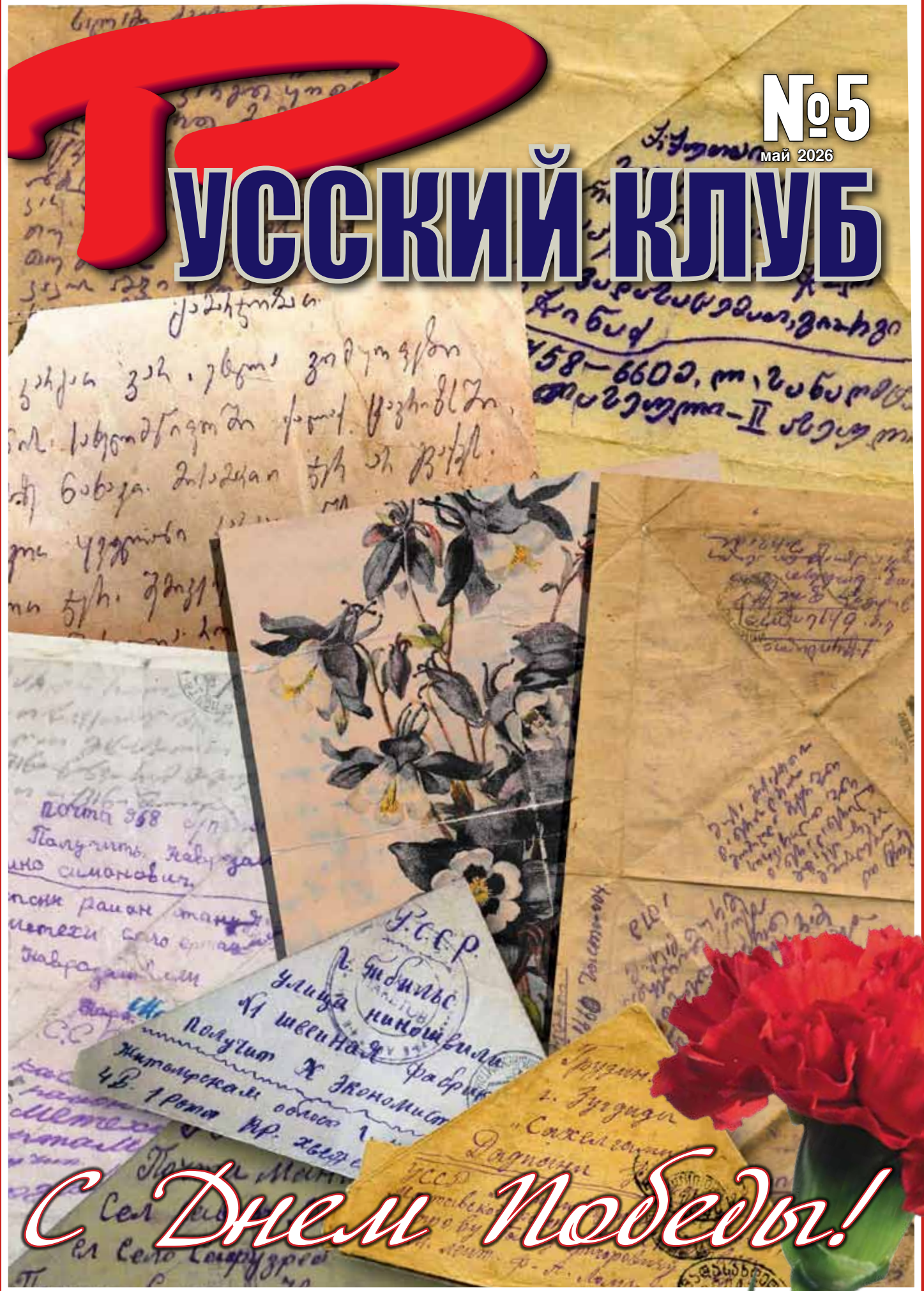

№5

май 2026

რუსული კლუბი

С Днем Победы!

85

НОНА ГАПРИНДАШВИЛИ

Чемпионка мира в 1962-1978 гг., пятикратная чемпионка СССР, многократная олимпийская чемпионка в составе сборной, первый международный гроссмейстер среди женщин, первая женщина, получившая звание международного гроссмейстера среди мужчин, первая обладательница «Шахматного Оскара», первый (ныне почетный) президент Национального Олимпийского комитета, Почетный гражданин Тбилиси

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Александр ЭБАНОИДZE

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДZE
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽²⁴⁷⁾
май 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ОСНОВАТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ ВОЙНУ?
- 12 ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ МИРА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 15 ДОМ НАВСЕГДА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 20 ИРИСОВЫЙ ПОЧЕРК ЭРНЫ ДОЛМАЗОВОЙ
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 25 РЕИНКАРНАЦИЯ ГРУЗИНСКОГО КИНО
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 30 «АХ, КАК НЕ ХОЧЕТСЯ ПРОЩАТЬСЯ...»
- 32 ТЕАТР МАРИОНЕТОК: ДЕТИЩЕ РЕЗО ГАБРИАДZE СЕГОДНЯ
АРТЕМ КОМАРОВ
- 34 ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ В ГРУЗИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 37 ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ИЗ КАКОЙ ЕРУНДЫ РОЖДАЮТСЯ
ИНЫЕ СТРОКИ...
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 40 ДЖУМБЕР ЛЕЖАВА
ОМАР ШУДРА
- 42 СЕРДЦА И СУДЬБЫ
НИНА МАЗУР
- 44 СЛЕД ЖИЗНИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
- 47 «С ПРИВЫЧНОЙ НЕЖНОСТЬЮ ПОМИНАЯ...»
ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА
- 50 ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ
МИТРОПОЛИТ АНАНИЯ ДЖАПАРИДZE
- 53 «МНЕ НЕ НАПЛЕВАТЬ!»
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА

На обложке – ПИСЬМА С ФРОНТА

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ ГЕРОЯ

В феврале 1938 года на балу в турецкой Бурсе, в центр зала вышел немолодой стройный седовласый человек в безупречном фраке и лакированных туфлях. Он замер, затем медленно раскинул руки и плавно закружился в древнем мужском танце. Это был зейбек – «танец орла». Традиционно его танцевали народные ополченцы из Анатолии. Одиноким элегантный исполнитель делал гордые неторопливые шаги, иногда припадая на одно колено и касаясь рукой земли. Он был тяжело и смертельно болен, и знал об этом, но танцевал с невероятным достоинством, доказывая себе и другим, что хоть тело угасает, но дух его не сломлен, как и дух нации, которую он многие годы неустанно железной рукой вел

из средневековья в будущее. Он медленно и сосредоточенно кружил в центре пустого зала. И в этом был его особый шик – соединение глубоких народных корней и европейского лоска.

Это был великий преобразователь Турции, ее защитник и прославленный боевой генерал Первой мировой Мустафа Кемаль паша, которому благодарный народ присвоил фамилию-прозвище Ататюрк – отец турок.

Он не просто реформировал Турцию, он ее «пересобрал» – сменил алфавит, отменил халифат, дал права женщинам и переделал страну в европейские костюмы. Этот реалист понимал, когда нужно наступать, а когда – договариваться, даже с теми же большевиками, если это было выгодно Турции. По его повелению была запрещена мусульманская одежда в общественных местах, введена европейская система образования на всех уровнях, а также европейские уголовно-правовые и финансовые механизмы. А также страна перешла на григорианский календарь и метрическую систему. И Кемаль не бросился восстанавливать границы Османской империи до былых пределов, включая Египет, Сирию, Аравию, Ливан и многие другие земли, понимая, что это погубит новую Турцию. В отличие от Петра I, с которым его любят сравнивать, и который был готов воевать десятилетиями на износ страны, Ататюрк умел терпеть и не срываться. У него была невероятная харизма и необычная внешность – почти блондин со светло-каштановыми волосами и со светлыми глазами разного цвета – дервиши это толковали, как примету власти. Вырос он на греческой земле, там и учился в военной школе, после ранней смерти отца. А потом была армия и военная карьера. Но в личной жизни Кемаль не был счастлив – неудачный и недолгий брак, гибель любимой подруги и отсутствие семьи и своих детей. Зато были приемные – восемь девочек и один мальчик. И каждому досталась своя доля внимания и заботы, все получили прекрасное образование и состоялись в жизни. А одна – Сабиха Гекчен – стала первой турецкой женщиной-летчиком, ее именем назван аэропорт в азиатской части Стамбула. Кемаль-паша популярен и сегодня спустя почти век с момента начала правления. Его портреты украшают не только улицы, но даже лавки, ресторанчики-локанты, кабины водителей и денежные купюры. Да, иногда Ататюрк был жесток и суров, но мало кто так любил людей, как он. В нынешнем мае, 19 числа, исполняется 145 лет со дня его рождения.

МНОГОЛИКИЙ ДИЛАН

Ему трудно придумать прямое определение. И даже в одном из фильмов о нем, его роль играли аж шестеро исполнителей, включая одну женщину – Кейт Бланшет. Боб Дилан – фигура, ускользающая для понимания. И даже то, что он и не Дилан вовсе, а Роберт Циммерман из провинции, родившийся 24 мая 1941 года. В шестидесятые он вошел как голос поколения, его песни вышли из залов на политические антивоенные и антирасовые митинги. Но довольно скоро он решительно вышел из этой роли, словно она показалась ему тесной. Уже тогда было ясно: перед нами не трибун, а автор, поэт, который не задерживается ни в одном образе дольше, чем это необходимо. Его биография не линейна, а складывается слоями. Сначала фолк с одинокой гитарой и губной гармошкой – затем электрогитара с рок-группой – потом и вовсе кантри – а потом даже религиозный госпел. Каждый поворот воспринимался публикой, как разрыв, почти как предательство. История с одним концертом – из зала крикнули «Иуда», а он, выругавшись, бросил музыкантам: «играем громче!» – стала символом этой внутренней независимости. Дилан никогда и ни кому ничего не объяснял – просто двигался дальше. И был непредсказуем, в стороне от слагаемых о нем мифов. После мотоциклетной аварии 1966 года он исчез с радаров в момент самой громкой славы. Позже – ушел в религию, выпустив госпел-альбомы, которые часть аудитории не поняла и не приняла. И даже когда присужденная Нобелевская премия 2016 года закрепила за ним статус выдающегося поэта уже вне музыкального контекста, он отреагировал в своей манере – неожиданной паузой и почти надменным молчанием. И даже не приехал на получение, оправдавшись занятостью и гастролями.

Но есть и другая сторона – менее заметная, но не менее важная. Внутри странной, стихийно сложившейся супергруппы Traveling Wilburys Дилан оказывается не холодной звездой, а другом и участником рав-

ного круга. Рядом с битлом Харрисоном, певучим Роем Орбисоном, Джеффом Линном из ELO и Томом Петти он звучит проще, мягче, почти по-домашнему и не «тянет одеяло на себя». Без дистанции, без необходимости держать образ. Это редкий случай, когда его закрытость уступает месту дружескому доверию.

А тексты Дилана – отдельная территория. Это поток образов – библейских, уличных, каких-то фрагментарных. Но за этой размытостью стоит точное чувство времени. Он не объясняет мир – он фиксирует его движение.

И, возможно, в этом и есть его устойчивость. Дилан не закрепляется в одной роли – и потому не устаревает: иногда резкий, иногда отстраненный, иногда неожиданно теплый. Но навсегда выдающийся поэт нашего времени.

СМУЩЕНИЕ СКРОМНОГО ПИСАТЕЛЯ

Ему претили шумные собрания. Больше он ранним утром любил надеть высокие резиновые сапоги и долго-долго идти по мокрой траве бескрайних полей под облаками, пока не дойдет до любимой старой липы, под которой можно расстелить телогрейку, лечь и заснуть пока полуденное тарусское солнце не разбудит. Константин Паустовский оставался человеком сдержанным и внутренне деликатным – даже в момент, когда его имя уже было известно далеко за пределами страны. Показателен один эпизод, который сам по себе стал почти легендой. Его завали в пышный зал на встречу с выдающейся актрисой Марлен Дитрих, приехавшей в Москву. Она не скрывала, что любит прозу Паустовского, и попросила знакомых его найти. И когда ей прислали записку о том, что писатель в зале, великая Марлен громко вызвала его на сцену. А потом неожиданно опустилась перед ним на колени и поцеловала руку – жест, в котором было не столько актерство, сколько искреннее признание. Паустовский растерялся. Он не был человеком публичных эффектов. Сцена, рассчитанная на аплодис-

менты, обернулась мгновением почти личным – неловким и потому подлинным. В этом эпизоде многое сходится: западная звезда, привыкшая к публичному жесту, восхищающая самых знаменитых мужчин мира от всемогущих голливудских продюсеров, гениального шансонье Александра Вертинского, прекрасного писателя Ремарка и выдающегося актера Жана Габена. А тут скромный русский писатель, для которого важнее было тихое слово, чем внешний знак славы. И, пожалуй, именно поэтому этот жест кинозвезды запомнился.

И сейчас, вспоминая его, рожденного в последний день весны, мы понимаем ту роль, что он сыграл в отечественной словесности. И даже появилось определение – «проза Паустовского». Писатель пишет о, казалось бы, простом: дорога, дождь, запах листвы, разговор у костра. И это ближе к живописи, чем к традиционному повествованию. Или если он пишет «Повесть о жизни», то это не мемуары в строгом смысле, а рассказ о жизни через призму самого писателя. История XX века у него не гремит, а проходит фоном, через судьбы людей, через смену интонаций.

Паустовского часто называют «певцом природы», но это определение слишком узкое. Он пишет не о ней, а о способности отдельного человека чувствовать мир и не терять к нему доверия. В этом, возможно, и заключается его главный мотив: тихое, но устойчивое утверждение ценности жизни в ее самых простых проявлениях.

Его проза читается легко – и это ощущение не обманчиво, просто требует внимания. И если это внимание возникает, текст начинает работать долго и спокойно, оставаясь с нами уже вне страниц в прекрасном полслевкусии.

БУЛГАКОВ FOREVER!

Есть такие писатели, которые «видны», «заметны» и их не обойти, как бы к ним не относиться.

Михаил Булгаков – как раз из таких, чье присутствие в культуре сильнее личного отношения к нему. Его читают, спорят, не принимают – но обходят редко. У него есть, как горячие поклонники, называющие любимым русским писателем XX века, так и другие, заявляющие: ну, не люблю я вашего Булгакова!

А писателю ведь все равно, и не потому, что его уже давно нет на свете. Просто Булгаков не стремится и ни когда не стремился нравиться. Его проза требует согласия на игру по его правилам – и не всем это близко. Поэтому возможна ситуация, когда

автора ценят, признают масштаб, но не принимают внутренне. Впрочем, это, пожалуй, и есть признак живой литературы: она не обязана совпадать с читателем. И потому она легко его пережила и осталась современной.

Булгаков начинал как врач, прошел через Гражданскую войну и не на стороне победивших. Он очень рано почувствовал хрупкость любого мирового порядка, когда привычное в момент может разрушиться. Отсюда – его проза: резкая, местами холодная, с точным слухом на абсурд происходящего. В «Собачьем сердце» или «Роковых яйцах» социальный эксперимент доводится до гротеска, но за ним слышится не столько сатира, сколько тревога перед вмешательством в саму природу человека. Особая линия – его отношения с властью. Не любила его власть, да и было за что – убежденный белогвардеец. Но долго ценила, хотя и с мелочным педантизмом досаждала, где только могла. Пьесы снимались с репертуара, тексты не печатались. Булгаков написал письмо всемогущему вождю с просьбой либо дать работу, либо отпустить за границу. В ответ – телефонный звонок Сталина, между прочим любившего его «Дни Турбиных» и смотревший спектакль по ней несколько раз. И парадоксальная ситуация: запрет на публикации остается, но работать в театре можно. Абсурд прямо по Булгакову.

И наконец «Мастер и Маргарита»! Эта книга была написана «в стол», без надежды на публикацию. Там соединяются несколько регистров: бытовой, философский, фантастический. Или, как говорили недоброжелатели: гофманиада, исторический роман и злая сатира типа Аверченко на советский быт. Воланд и его свита – не столько «дьявольская сила», сколько инструмент проверки мира на прочность. И вывод – не прочный! Однако при всей многослойности роман остается холодным в своей конструкции – как тщательно выстроенный механизм.

Но посмертная судьба Булгакова прекрасна – он признан классиком, его читает даже нечитающая молодежь, его экранизируют. И помнят, что 18 мая 1881 года... день его рождения. Чуть не написал «в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...»

Классный писатель!

МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ ВОЙНУ?

Известный факт – фронтовики не любили говорить о войне, о подробностях адского солдатского труда... «Мне кажется, – писал Евгений Весник, народный артист СССР, участник Великой Отечественной, – люди, много говорящие о войне и о героизме, не бывали в настоящих переделках. Нюхнувшие запах беспощадной войны говорят мало, они не хотят даже вспоминать войну или говорить о ее возникновении вновь. Поэтому, собравшись на встречу, настоящие фронтовики предпочитают вспоминать смешное, несуразное, вспоминать любимых женщин, петь песни и плакать, поминая убитых друзей».

Сегодня мы собрали несколько свидетельств, которыми все-таки поделились в свое время участники Великой Отечественной, впоследствии ставшие прославленными деятелями театра и кино. Как вы сами убедитесь, о трагическом они рассказывали скупно, а вот трогательными или забавными историями, которые, конечно, тоже случались, делились более охотно.

Наталья БУРМИСТРОВА

В 1941-1944 гг. – актриса фронтового театра, санитарка.

Что представлял собой фронтовой театр? Казанские железнодорожники на свои средства организовали санитарный поезд, прицепили к нему агитвагон, в котором находилась группа актеров. В репертуаре были две пьесы – «Со всяким может случиться» и «Таня», и две обширные концертные программы. В обоих спектаклях я играла главные роли. Кроме того, пела на концертах. Правда, голосок у меня был малюсенький, зато слух хороший. Да и песни я пела сердечные, понятные – «Землянка», «Темная ночь»...

Была в нашей бригаде Женя Чередниченко, колоратурное сопрано, но ее алябьевский «Соловей» и прочее колоратурное мастерство не производили на бойцов такого впечатления, как мои немудреные песенки. Хотите – верьте, хотите – нет. Вся наша бригада окончила краткосрочные медицинские курсы. Нас обмундировали – местное ателье военторга подогнало все под нашу статью, и из нас получились довольно-таки приличные солдатики. А наш руководитель Вася Тинский выглядел как генерал... И вот наш поезд отправился на фронт. Мы подбирали раненых, доставляли их в полевые госпитали, а оттуда на своем оборудованном

поезде отвозили в Арзамас-2, где базировалась группа стационарных госпиталей. Приводили в порядок поезд и возвращались на фронт. И так в течение трех лет. Мы помогали медперсоналу, со временем научились делать перевязки, уколы, а в более «спокойное» время давали спектакли и концерты и прямо на фронте, и в полевых точках. В тот период я очень увлеклась медициной, и главный хирург нашего поезда Илларион Петровский говорил мне: «Останешься жива, брось ты эти траляляшки, поступай в медицинский. У тебя есть жилка. Бойцы тебя любят»... А война все шла. Страшная, холодная, голодная... В конце 1944 года залетный самолет сбросил бомбы недалеко от Бологого. Пострадал наш поезд, а меня с сильной контузией отправили во все тот же арзамасский госпиталь. Пролежала я там несколько месяцев, и в начале 1945 года с военным аттестатом, одетая в военно-полевую форму, прибыла в Москву, в отдел кадров Комитета по делам искусств. Меня встретили поцелуями и слезами...

позже – окончила курсы медсестер и стала лаборанткой. Фронтовой госпиталь оставил множество отметин в моей душе. Но самое пронзительное воспоминание о войне связано у меня не с медицинской службой. Однажды наш эшелон остановился на станции вблизи города Сталино (это нынешний Донецк). Мне уже лет 15 тогда было... И вот я вижу: черная, обугленная степь, а по ней ветер несет белые треугольники солдатских писем... Перед нашим прибытием фашисты разбомбили эшелон с почтой, и из разбитых вагонов ветер пачками, сотнями, тысячами выдувал в степь весточки с фронта. Я не могу передать своего состояния при виде этой картины. Мы с мамой к тому времени давно не получали писем от отца, и я понимала, как этих писем ждут родные наших бойцов. В госпитале я видела смерть, увечья и тяжелейшие страдания людей, но до сих пор у меня перед глазами стоит именно эта картина войны: тысячи бумажных треугольничков, гонимых порывами ветра по обожженной донецкой степи...

не получить пулю – почти невозможно. Что делать? Я знал, что снайперская винтовка укреплена на подставке и упирается в плечо снайпера. После выстрела она, хочешь не хочешь, немного смещается, и ее приходится каждый раз возвращать в исходную позицию. Знаю, что у снайпера на поправку прицела уходит пять-шесть, максимум десять секунд. Снимаю с головы фуражку и бросаю в простреливаемый выход из окопа. Снайпер спустил курок. И когда я увидел, что пулька ударилась в тыловую часть окопа, кинулся бегом через опасную зону. Проскочил! Да еще успел послать снайперу воздушный поцелуй! Для подобных выходов надо быть молодым. Очень молодым! Мне было 22 года. После этого «циркового» номера самоуверенно написал матери: «Меня не убьют!»

Юрий НИКУЛИН

В 1939 г. в возрасте 17 лет был призван в Красную армию и направлен в шестую батарею второго дивизиона 115-го зенитного артиллерийского полка. Во время советско-финской войны эта батарея охраняла воздушные подступы к Ленинграду. В Великую Отечественную войну воевал под Ленинградом в том же полку, весной 1943 г. после контузии и лечения в госпитале был переведен в 72-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион на должность командира отделения разведки, позднее там же стал помощником командира взвода. Победу встретил в Курляндии, еще год служил на территории Восточной Пруссии. Демобилизован в мае 1946 г. в звании старшего сержанта.

Евгений ВЕСНИК

В 1942 г. Евгений был призван в РККА, окончил артиллерийское училище в звании младшего лейтенанта. С июня 1944 г. находился на фронте, был командиром огневого взвода 1-й гвардейской корпусной артиллерийской бригады и адъютантом командира 5-й гвардейской гаубичной артиллерийской Севастопольской Краснознаменной бригады. Гвардии лейтенант. Участник штурма Кенигсберга.

Я ушел на войну романтически настроенным юнцом, фанатом. Воевать даже нравилось – когда наступали, и не очень – когда отступали. Кенигсберг. Передовая. Из каждого окопа – выход в сторону противника. Выход из окопа, о котором речь, простреливался немецким снайпером. И лежало там два трупа, которые из-за этого снайпера не могли убрать. Мне срочно понадобилось пройти мимо выхода. Миновать его и

Элина БЫСТРИЦКАЯ

В 1941-1944 гг. – санитарка и лаборантка фронтового передвижного эвакогоспиталя.

Почти вся война для меня – это передвижной сортировочный эвакогоспиталь. Мы эшелонами забирали раненых с фронта и эвакуировали в тыл. Пока наши войска отступали, поезд перемещался с запада на восток, а в 1944-м он двигался уже в западном направлении. Начала я работать санитаркой,

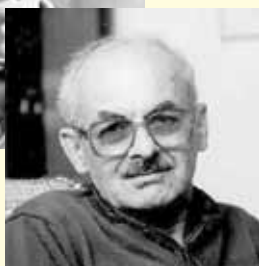
Расскажу, как юмор спас жизни по крайней мере двадцати человекам. Зимой 42-го года произошел случай, о котором, конечно, никто нигде не писал. О таком писать нельзя было. Послан наш отряд разведчиков-лыжников ночью в тыл врага. Они должны были пройти передовую. Отвлекающий маневр... Прошли передовую, идут тихо по старой запорошенной дороге в лесу. Идут бесшумно, и вдруг из-за угла неожиданно появляется отряд немцев. Минутное замешательство. Наши – вправо, в кювет. А немцы – влево. А один немец заметался, запутался и прыгнул к нашим. И оторопел от ужаса, когда понял, что прыгнул не туда. А наши взяли этого немца и перекинули через дорогу. И когда он туда полетел, то в полете вдруг громко пукнул. Когда он приземлился, и немцы грохнули, и наши. И смеялись в течение минуты. Хохотали, плакали от смеха. Потом постепенно смолкли. Стало возвращаться понимание, что это – война. И, не сговариваясь, наши тихонечко проползли и пошли своей дорогой. А немцы, ни слова не говоря, выстроились и тоже пошли дальше... Они посмеялись вместе одну минуту. И это решило их отношения. Они после этого не могли стрелять.

Булат ОКУДЖАВА

В августе 1942 г., в возрасте 18 лет, был призван на фронт и направлен в 10-й отдельный запасной минометный дивизион. После двух месяцев подготовки стал минометчиком в кавалерийском полку 5-го гвардейского Донского кавалерийского казачьего корпуса. В декабре

1942 г. под Моздоком был ранен. После госпиталя служил в 124-м стрелковом запасном полку в Батуми, а потом радистом в 126-й гаубичной артиллерийской бригаде Закавказского фронта, прикрывавшей границу с Турцией и Ираном. Демобилизован в марте 1944 г.

Я отправился в десятый отдельный запасной минометный дивизион. До фронта, конечно, мы все очень горели. А потом нас отправили на фронт, и этот романтизм быстро кончился, и мечталось только об одном – чтобы ранило, и полежать в госпитале, и поспать. А спустя некоторое время началось возвращение к войне. Мы почувствовали на себе эту грязную работу и увидели кровь и гибель людей. Потом все дурные качества человеческие на фронте ведь выходили наружу – и мы увидели, узнали цену людям. В общем, все это был большой опыт. Привыкание было. Я помню, что, например, перестал бояться свиста пуль, взрывов. Первое время, когда первая взорвалась мина, мы с приятелем упали в грязь и лежали до тех пор, пока над нами не стали смеяться – оказывается, давно уже все прошло и все идут, а мы лежим. Через 5 дней уже этого не замечали: и пули свистели, и мы стояли, даже не пригибались. Было безразличие какое-то. Какой-то фатализм вдруг возник. Будет – будет, не будет – не будет. Вот так вот... Я сейчас вспомнил о начале войны любопытную деталь, смешную. Мы

едем на фронт, впервые. Я не могу спать в эшелоне. Не могу спать, потому что на фронт еду воевать. Все спят, а я не могу. Эшелон останавливается где-то ночью, и я выхожу из вагона, спускаясь из теплушки, и начинаю с карабином ходить вдоль вагона, хотя никто мне этого не поручал совершенно. Меня останавливают, говорят: «Иди спи». Я не мог. Нет, я должен был быть воином. Очень просто все было, однозначно и просто. Они мерзавцы и враги, а мы хорошие. Вот и все. Они нас обманули, они лжецы, а мы хорошие. Они внезапно напали, мы немножко растерялись, но сейчас мы соберемся, и все будет замечательно. Может быть, были отдельные какие-то пожилые люди, которые все понимали, но они помалкивали. Помалкивали, потому что цена за это уже была известна. Мы были воспитаны на стереотипах советских, что для руководства было очень удобно, а для личности, конечно, трагично... Тяжелых моментов было очень много, но почему-то в памяти осталось унижение. Особенно запомнилось унижение. Наша минометная батарея лишилась продовольственного аттестата, и нам нечего было есть. И наш командир, это было под Моздоком, сказал, что надо идти по домам и просить милостыню. И мы разбились по два человека и пошли по домам просить хлеба... И мы ходили с мешком. Кто хлеба давал, кто огурец соленый. Это запомнилось очень... А когда началось наступление наконец, конечно, и вдохновения больше было, и дисциплина лучше была, все как-то стабилизировалось, и мы служили. Единственное, что было тяжело, помимо голода периодического, недосыпания, – неизвестность, когда кончится война. Вот это было самое тяжелое. Если бы я знал, что я должен воевать 5 лет, я готов был приспособить себя. Ну, когда неизвестно сколько, вот это самое ужасное... Я не довоевал до самого конца. Я был ранен. Потом долго лежал в госпитале. Вышел из госпиталя и получил отпуск по ранению. А когда отпуск кончился, и война кончилась. Конец войны я встретил

в Тбилиси. Тетка мне подарила 100 рублей. Я купил на эти 100 рублей бутылку сухого вина. И мы с приятелем выпили.

Анатолий ПАПАНОВ

В августе 1941 г. был призван в армию и направлен в 73-й запасной стрелковый полк. В декабре 1941 г. осужден военным трибуналом на 6 лет за самовольную отлучку из части, но в январе 1942 г. направлен в действующую армию. В звании старшего сержанта командовал взводом зенитной артиллерии. В марте 1942 г. попал в окружение под Харьковом и получил тяжелое ранение: взрывом ему сильно изуродовало правую ногу. Полгода провел в госпитале, в 21 год стал инвалидом третьей группы и первые несколько лет вынужден был ходить с тростью.

Я помню свой первый бой, в котором из нас, сорока двух человек, осталось в живых четырнадцать. Я ясно вижу, как падал, убитый наповал, мой друг Алик Рафаевич. Он учился во ВГИКе, хотел стать кинооператором, но не стал... Помню эту первую потерю как сейчас... Из оставшихся в живых сформировали новый полк – и в те же места. Грохот такой стоял, что порой сам себя не слышал. А однажды утром была абсолютная тишина, и в ней неожиданно: «Ку-ка-реку-у!» Петух какой-то по старой привычке начинал день. Было удивительно, как только он выжил в этом огне. Значит, жизнь продолжается... А потом тишина разорвал рев танков. И снова

бой. Командиром нашего взвода назначили совсем молоденького, только что из военшколы, лейтенанта. Еще вчера он отдавал команды высоким, от юношеского смущения срывающимся голосом, а сегодня... я увидел его лежащим с запрокинутой головой и оstonовившимся взглядом. Я видел, как люди возвращались из боя совершенно неузнаваемыми. Видел, как сидели за одну ночь. Раньше я думал, что это просто литературный прием, оказалось – нет. Это прием войны... Но там же я видел и познал другое. Огромную силу духа, предельную самоотверженность, великую солдатскую дружбу. Для фронтовика нелегко было не поделиться с товарищем последним куском, последним куревом. Может быть, это мелочи, но как передать то святое чувство братства – не знаю, ведь я актер, а не писатель, мне легче показать, чем сказать. Говорят, человек ко всему привыкает. Я не уверен в этом. Привыкнуть к ежедневным потерям я так и не смог. И время не смягчает все это в памяти...

Михаил ПУГОВКИН

В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Был зачислен в 1-й стрелковый полк 6-й дивизии Московского народного ополчения, в составе которого строил оборонительные рубежи, затем участвовал в Ельнинской операции. Попав в окружение, сумел выбраться к своим. С января 1942 г. служил разведчиком в 1147-м стрелковом полку 353-й стрелковой дивизии на Южном фронте. В августе 1942 г. был тяжело ранен. Лечился в эвакогоспитале в Тбилиси. После госпиталя был комиссован с военной службы.

Прибавив себе год, я ушел добровольцем на фронт, в то время как два моих брата и отец уже были на фронте. Попал я в стрелковый полк № 1147 в роту разведчиков. Воевать пришлось в полевых условиях. Как сейчас помню, как на Смоленщине принял вместе с такими, как я, безусыми мальчишками, первый бой. А одеты все были в летние брюки, футболки, пару-

синовые тапочки – то есть новобранцев даже не успели переодеть. После налета немецких самолетов из ста машин, в которых мы находились, уцелели только две, и то не полностью. Мне удалось спастись в этом крошечном аду без единой царапины. Ранило меня уже позднее, в августе 1942-го под Ворошиловградом. Ранило в ногу, в госпитале началась гангрена, и меня стали готовить к ампутации ноги. Когда ко мне подошел главный хирург полевого госпиталя, я взмолился: «Доктор, нельзя мне без ноги, ведь я артист!» На свой страх и риск доктор пошел навстречу молодому бойцу, уж очень убедительной была моя просьба. Лечение длилось долго, болезнь отступала медленно, меня перевозили из одного госпиталя в другой, пока я не попал в Тбилиси. Оттуда меня отправили домой на

амбулаторное лечение, и я еще целых два месяца добирался до Москвы, плыл пароходом. Раненых на палубе была тьма – кто на костылях, кто весь перевязанный. У меня вместо гипса на ноге была большая шина, и передвигался я на костылях. До Москвы добирался через Каспийское море. Каким чудом я оказался на пароходе, до сих пор не помню. Лицо мое было очень опухшим, медсестры даже шарахались от меня, потому что осколок от гранаты попал мне под глаз, и глаз был закрыт. После парохода от Красноводска я двадцать два дня добирался до Москвы. Все вагоны в поезде были переполнены до отказа. До сих пор вспоминаю счастливые минуты, когда мож-

но было вытянуть больную ногу, сидя на полу в тамбуре. Сейчас даже мне трудно поверить, каким путем я доехал до Москвы – это все благодаря молодости.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ

В январе 1943 г. был призван в армию и направлен в Киевское пехотное училище, находившееся в то время в Ачинске. В августе того же года в срочном порядке был отправлен рядовым на фронт, на пополнение 75-й гвардейской стрелковой дивизии. В должности связного штаба участвовал в боях на Курской дуге, форсировании Днепра, в операции по освобождению Киева. В декабре 1943 г. под Киевом попал в плен, месяц провел в лагерях для военнопленных в Житомире, Шепетовке, Бердичеве. 7 января 1944 г. бежал из плена. В течение месяца его укрывала в своем доме украинская семья, связь с которой он сохранял до конца жизни. В том же доме познакомился с заместителем командира партизанского отряда Каменец-Подольского соединения, в который вступил в феврале 1944 г. В мае партизанский отряд объединился с 318-м гвардейским стрелковым полком 102-й гвардейской стрелковой дивизии. С этим полком, в должности командира отделения роты автоматчиков, гвардии младший сержант Смоктуновский принимал участие в освобождении Варшавы. Войну закончил в немецком городе Гревесмюлен.

На фронте я был с августа

43-го, с Орлово-Курской дуги. Страшные бои были, но основное пекло я уже не застал... Из 125 человек нас осталось в живых только четыре человека. Все остальные лежали. Я у них – так же, как мои товарищи, трое, – забирал патроны, гранаты, чтобы как-то продлить свою жизнь и защитить дорогу, которую мы должны были охранять, чтобы не прошла вырвавшаяся группировка из города Торуня. Это в Польше происходило... Я прошел через такие страшные испытания, которых не пожелал бы своему неприятелю, недоброжелателю... До сих пор помню, что чувствовал, когда шел в атаку: ноги ватные, не разгибаются. Очень страшно, но надо идти. Ужасны минуты перед сигналом атаки – ожидание конца, я никому не желаю это испытать. Но самое страшное – это плен, ощущение, что твоя жизнь не принадлежит тебе. Может подойти любой фашист, приставить пистолет к затылку, и все. Меня раздирали болезни... Дизентерия, дистрофия, полный духовный шок... Я не мог есть. Хотел, но не мог – организм отторгал любую пищу... И я бежал. Узнал у местных жителей, украинцев, где побольше болот, лесов и поменьше дорог – где процент появления фашистов был ниже... Мне сказали, что есть такая деревня Дмитровка – километрах в 15-20. Шел долго, был совсем без сил. Меня отмыли в бане, выходили... Это было в Каменец-Подольской области... Потом я снова слился с частями Красной армии. Получил пять или шесть благодарностей от Верховного Главнокомандующего – Сталина. Тогда это было для меня огромной радостью. У меня две медали «За отвагу» – их давали за конкретное проявление храбрости. Храбрость была. Но глупая – я лез на рожон. Это неразумно, я видел, что справа-слева люди падают и не встают, мелькала мысль – что я делаю? А потом она забывалась, и я опять лез. Может быть, потому что я чувствовал, что меня вела какая-то сила, и думал, что меня ни пуля, ни осколок не могут свалить. Я был кем-то охраняем. Не исключено, что я был охраняем Господом моим Богом. Даже

тогда, совершенно не зная Библии, Нового Завета, я знал, что есть Бог.

Михаил ТУМАНИШВИЛИ

С 1939 года служил в Красной армии в городе Шепетовка на Украине. Окончил школу младших командиров связи. Был в плену, дважды бежал. В 1944 г. демобилизован.

6 мая 1944 года. Поезд ехал медленно. Стучал, стучал колесами. По той же дороге Баку – Тбилиси 19 ноября 1939 года я и мои товарищи уезжали из дома. В армию. Давно это было.

Какие-то люди кругом. После Баку все время стоял у окна. Все думал: вот покажутся огни фуникулера. Но прошло очень много времени, и ничего не было видно. Потом кто-то что-то крикнул, потом закричали все сразу, бросились к окнам, высунули головы. Где-то вдали, по каким-то неясным ночным очертаниям узнал мой родной, мой любимый город Тбилиси. Ночь, кругом темно. Вышел на Вокзальную площадь. Народу мало. Иду по улицам. Остановился трамвай. Почему-то не сел, пошел пешком. Шел по середине улиц и старался узнавать дома. Все казалось каким-то маленьким, игрушечным. Но вот поворот на Белинскую улицу. Поднимаюсь по ней. Ноги идут механически, сами по себе, почему-то не спешат, тяжело. Остановился возле дома бабушки, постоял, прислушался. Пошел дальше. Завернул за угол, и вот он, стоит в темноте, мой дом. Дом, который сотни раз я видел во сне, дом, в котором прошло мое детство,

дом, который там, на фронте, был символом моей родины. Осторожно, затаив дыхание, подошел к окну. Прислушался. Внутри – чьи-то голоса. Закружилась голова. И чтобы прийти в себя, стал ходить по улицам. Обошел весь квартал, все улицы, где прошла моя юность, и все думал, думал, сам не знаю о чем. Потом осторожно вошел во двор, постоял у дверей и, наконец, решившись, постучал.

Владимир ЭТУШ

В 18 лет ушел добровольцем на фронт, сражался на горных перевалах Кавказа, освобождал Ростовскую область и Украину. В 1943 г. под Токмаком Запорожской области кавалер ордена Красной Звезды старший лейтенант Этуш был тяжело ранен. После госпиталя получил вторую группу инвалидности и был комиссован.

В боях за Аксай я получил первые фронтовые навыки. А затем – наше долгое и тяжелое отступление через Кавказский хребет. Днем жара, ночью – жуткий холод, а обмундирование к таким походам не приспособлено. С едой в горах было тоже неважно, поэтому голод в том переходе стал обычным делом. Люди слабели, засыпали на ходу, иногда срывались в пропасть – особенно по ночам,

когда километрами приходилось передвигаться по «карнизам» вдоль отвесных скал. Прошло много лет, но до сих пор помнится одно главное, тягостное ощущение от войны – это нестерпимая, свинцовая, постоянная усталость. Мы никогда не бывали сытыми и никогда не бывали выпавшимися. И временами все – и командиры, и бойцы – от утомления просто валялись с ног. Вспоминаю один характерный случай. Это был 1943 год, зима. Я на тот момент являлся помощником начальника штаба полка по разведке в Закавказском округе. После Сталинграда немцы стали отходить с Кавказа, поскольку боялись попасть в котел, как армия Паулюса. Наши войска перешли в наступление, выдавливали немцев от Грозного, но продвижение было тяжелым. Целыми днями шли серьезные бои. Я участвовал в допросе пленного гитлеровца, и это продолжалось невероятно долго – до глубокого вечера. После его окончания еще час провел в штабе, а затем навалилась такая усталость, что, выйдя на морозный воздух, я хотел только одного – где-нибудь поспать. Зашел в соседнюю избу в нашем лагере и обомлел: в жарко натопленном помещении спали немецкие пленные вперемешку с нашими командирами! На железной кровати храпели двое немцев, у них в ногах поперек кровати спал наш начальник химслужбы, на полу рядом, ничком – начальник полковой разведки, а на его, простите, ягодицах покоилась голова еще одного пленного гитлеровца, тоже спящего. Картину довершал караульный, который дремал, сидя на табуретке и прислонив автомат к одному из спящих немцев... Словно и не было войны, врагов и противников. Спали вповалку измученные, смертельно усталые люди.

...День Победы я отмечаю всегда, иногда вместе с собственным днем рождения. Может ли этот праздник потерять для меня свою ценность? Могу ли я забыть войну? Свою жизнь от жизни страны мне не отделить. И слава Богу, что так.

ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ МИРА

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Петербургцы отдали последнюю дань памяти легендарному директору Грибоедовского театра, президенту Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», одному из инициаторов создания Ассоциации деятелей русских театров зарубежья Николаю Свентицкому (в 1917 году Николай Николаевич стал первым председателем правления организации).

В Санкт-Петербурге (его нежно любил Николай Свентицкий, в городе на Неве он встретил свой последний Новый год), в рамках XXVIII фестиваля русских театров «Встречи в России», был организован целый ряд посвященных Николаю Николаевичу значимых событий.

В Малом зале Театра-фестиваля «Балтийский дом», на сцене которого Тбилисский русский театр имени А.С. Грибоедова не однажды представлял свое искусство, был показан моноспектакль актера, режиссера Валерия Харютченко «Чую Радуну Божью». Он был приурочен к 130-летию со дня рождения Сергея Есенина, выпущен под эгидой «Русского клуба» (при поддержке Секции инте-

ресов Российской Федерации при Посольстве Швейцарии в Грузии) и стал последним театральным проектом Николая Свентицкого.

Спектакль прошел при полном аншлаге. В зале собралась культурная элита Санкт-Петербурга, члены Ассоциации деятелей русских театров зарубежья, участники XXVIII фестиваля «Встречи в России», представители грузинского землячества. Перед началом выступил генеральный директор «Балтийского дома» Сергей Шуб.

Моноспектакль «Чую Радуну Божью» имел большой успех. Сразу после показа зрители вышли в фойе и ознакомились с фотоэкспозицией,

посвященной Николаю Свентицкому. А потом последовало продолжение вечера в теплом дружеском кругу – «грузино-русское застолье», организаторами которого стали Сергей Шуб и председатель Санкт-Петербургского грузинского землячества, известный бизнесмен Бадри Какабадзе. Обоих связывала с Николаем Николаевичем многолетняя дружба. Поэтому их слова звучали в этот вечер особенно искренно и сердечно.

«Николай Свентицкий был уникальной личностью, – сказал Сергей Шуб. – Он был человеком и России, и Грузии. Он был человеком мира. И как любой творческий человек был соткан из несопрягаемых мате-

Валерий Харютченко

рий. Николай Николаевич был очень общительным, но в то же время одиноким человеком. Он был улыбчив, и при этом у него были грустные глаза. Отличался щедростью, и все это ощущали. И в то же время был расчетливым, прагматичным хозяйственником и очень хорошо держал театр. Сам Николай всегда прекрасно выглядел, был элегантен, обаятелен, любил хорошо одеваться. Он был личностью, которую мы еще долго, долго будем вспоминать. Остались театр Грибоедова, «Русский клуб», Ассоциация, во многом созданная благодаря его энер-

гии и усилиям. Сегодня мы грустим, но с другой стороны – радуемся тому, что дело, которому Коля отдал свою жизнь, продолжается. И в Грузии, в Тбилиси, и здесь, в Петербурге. И фактически во всех городах, откуда приехали сегодня члены Ассоциации. Замечательный спектакль, показанный в Петербурге и горячо принятый публикой, – лучшая память о Николае Николаевиче Свентицком».

О Свентицком с неподдельной любовью и восхищением вспоминали театровед, заместитель художественного руководителя БДТ по общественно-просветительской и исследовательской деятельности Ирина Шимбаревич, театровед, доцент Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, председатель Содружества негосударственных театров Санкт-Петербурга Александр Платунов, художественный директор Театра-фестиваля «Балтийский дом» Марина Беляева, друг и соратник Свентицкого Валерий Харютченко. На следующий день о Николае Свентицком очень тепло вспоминали и на VII Международной конференции «Русский театр за рубежом как институт русской культуры».

А вечером состоялась торжественная церемония награждения лауреатов международной премии имени Кирилла Лаврова «За поддержку и продвижение

русской культуры». Она прошла в Таврическом дворце – петербургской резиденции князя Григория Потемкина-Таврического, возведенного в стиле классицизма в период с 1783 по 1789 год по проекту архитектора Ивана Старова. Сегодня во дворце располагается штаб-квартира Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. Международная премия имени К.Ю. Лаврова была учреждена в 2025-м – в год столетия выдающегося актера и театрального деятеля – по инициативе петербургского отделения СТД России, БДТ имени Г. Товстоногова, Театра-фестиваля «Балтийский дом», Фонда содействия развитию культурных программ «Балтийский международный фестивальный центр» при поддержке Министерства культуры России. Ее первыми лауреатами стали художественный руководитель Камерного музыкального театра «Санкт-Петербург Опера» Юрий Александров, худрук Малого драматического театра – Театра Европы Лев Додин, худрук Театра Наций актер Евгений Миронов, основатель и руководитель «Русского театра в Белграде» Евгения Ешкина-Ковачевич, гендиректор Сухумского национального русского театра драмы имени Фазиля Искандера Ираклий Хинтба, а также Алма-атинский национальный русский театр драмы имени Михаила Лермонтова.

В нынешнем году облада-

телями премии имени Кирилла Лаврова стали не менее значимые фигуры мировой культуры: художник камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков; режиссер, актер, педагог, президент Александринского театра Валерий Фокин; создатель и руководитель Санкт-Петербургского академического театра балета Борис Эйфман; основатель и руководитель школы русского языка и театра «Апрелик» (Франция) Лидия Дробич; Бишкекский русский театр драмы имени Чингиза Айтматова.

В числе лауреатов 2026 года – Николай Николаевич Свентицкий, посмертно награжденный памятным призом Международной премии имени Кирилла Лаврова. Награду из рук спецпредставителя президента России по международному культурному сотрудничеству Михаила Швыдкого приняли Валерий Харютченко и Бадри Какабадзе. Этому торжественному моменту предшествовало проникновенное звучание саксофона и органа, а на экране одновременно демонстрировалось слайд-шоу, посвященное Свентицкому.

«Свентицкий был особенным человеком, который сохранил театр Грибоедова в самые сложные годы, – подчеркнул ведущий церемонии награждения Михаил Швыдкой. – Это было очень сложно. Ведь Грибоедовский – не просто театр. Он всегда был средоточием русской культуры в Тбилиси. Понятно, что город

пронизан русской культурой. Понятно, что БДТ тоже был пропитан духом этого прекрасного кавказского города. Потому что Георгий Александрович Товстоногов и его семья были навсегда связаны с Тбилиси. В БДТ этим очень дорожили. Сандро Товстоногов успешно возглавлял театр Грибоедова в 1970-е годы, и связь между Питером и Тбилиси только укреплялась. Николай Николаевич был человеком, которому удалось многое сохранить. Память – вещь хрупкая, но хочется верить, что мы сумеем сохранить память о Свентицком».

Принимая приз, Валерий Харютченко произнес слова приветствия и благодарности. И начал выступление своим стихотворением: «На чистых островах, по небесам плывущих, перетекающих, из века в век зовущих – наш Вечный дом – души божественной сияние разлито в доме том... на чистых островах, по небесам плывущих, перетекающих, из века в век зовущих».

«Николай Николаевич покинул наш столь непростой, но прекрасный мир, – сказал В. Харютченко. – И сегодня его душа возрадуется этой награде – столь высокой оценке его праведного пути. Коля был истинным борцом, борцом за честь, правду, творчество, красоту и любовь. И низкий поклон чутким, талантливым, замечательным людям, присудившим Николаю эту награду, как живому. Свентицкий любил людей, и люди от-

вечали ему взаимностью. Дай Бог душе его покоя. Спасибо!».

«Мне посчастливилось быть другом Николая – человека, русского по рождению, но духом – грузина, – сказал Бадри Какабадзе. – В тяжелые 90-е, когда в Грузии не было ни света, ни газа, он выстоял вместе со своим театром. Благодаря ему Грибоедовский приезжал в наш прекрасный город Санкт-Петербург. Я имел честь встречать его вместе с театром, дружить с ним все эти годы. Коля был человек огромного сердца – человек вне границ, вне национальности. Он был настоящим другом. Вместе со Свентицким мы однажды принимали 300 русистов со всего мира. Коля крутился как белка в колесе, говорил мне: «Бадри, мы не имеем права подвести, ты же знаешь – это русский язык, русская культура». Было радостно находиться рядом с ним! Думаю, мост, который он построил между Грузией и Россией, сохранится».

В своей благодарственной речи Владимир Спиваков произнес такие слова: «К чему стремится человек? К любви! Человек хочет любить и быть любимым. Расцениваю сегодняшнюю премию как знак любви ко мне!»

Думается, душа Николая Николаевича Свентицкого именно так откликнулась на все, что говорили о нем в теплые апрельские дни в его любимом Петербурге.

ДОМ НАВСЕГДА

Документальный роман

— Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Продолжение

БУЦА И ГИЯ ДЖАПАРИДЗЕ

Юный Дионис стоял на пьедестале, его омывал холодный дождик. В бронзовых кудрях бога вина в марте 1984 года прятались спелые виноградные гроздья... Они и в нынешнем веке там прячутся. Правда, подернулись патиной времени, как и сам бронзовый виночерпий. Похоже, за последние сорок лет он получил порядочно ушибов и ссадин. Но Дионис пережил эти годы, выстоял...

Так вот, когда я писала эпизод романа о том, как у подножия Дома, который строил Буца, встал бронзовый красавец (вы читали его в прошлом номере «Русского клуба»), меня мучил вопрос к собственной памяти: что же, неужели никаких праздничных торжеств с винопитием и тостами по поводу установки статуи бога виноделия — так и не

было?... Или меня не позвали на праздник? Или просто пир улетучился из моей переполненной событиями бедной головы?

Как-то это меня тревожило. Пока наконец, практически вчера, оказавшись на острове Кипр, то есть далеко и от Москвы, и от Тбилиси, перечитала я написанное, и мне пришла в голову светлая мысль: «Надо позвонить скульптору Гие Джапаридзе. Это ведь так просто... Он — автор статуи Диониса, должен помнить!»

НВ. Вот только подумав, только написав слова «должен помнить» — сразу же и позвонила скульптору Гие — в Тбилиси, в его студию, что на улице Тактакишвили (бывшая Рижская). Чтобы спросить, как там было в марте 1984-го, когда Дионис был поставлен на пьедестал.

— Конечно, помню, — спо-

Фото А. Бердичевской. Апрель 2026

Фото А. Бердичевской

койно ответил Гия. – Только ничего и не было... Все просто разошлись. Усталые, но довольные... – Помолчал и добавил: – Да, вина не пили, хотя Буца не был трезвенником и суеверен не был, это точно. Но, знаешь, какие праздники, когда все дело еще не сделано?! Буца не мог отвлекаться, чтоб не потерять чувство целого. Ему это и в голову не приходило. Он просто был... ну, не такой... Он был – архитектор! Ему было важно все целиком – не по отдельности! Поняла?

Да, я Гию поняла. Не случайно же мы дружим с ним сорок с лишним лет...

ЭФФЕКТ ГЛИЦИНИИ

Конечно, еще лучше другу не звонить, а видеться. Однажды, год или два назад, мы повидались и повспоминали, каким был Буца и что их, молодого скульптора и вполне известного архитектора, свело.

Связь была семейная, дав-

няя. Такие человеческие связи в Тбилиси всегда были не более чем нормой. В этом теплом городе (Тбилиси и означает «теплый») они заводились совершенно естественно. Поймете, если хоть раз видели, как перебрасывает новые побеги глициния – от дома к дому, с балкона на балкон. Точно так же новые поколения соседей, сослуживцев, дальних родственников связывают дома, дворы, улицы и районы города. Процесс все же отчасти избирателен. Дело ведь и во взаимной дружбе, уважении друг к другу, во влюбленностях молодых и в общих воспоминаниях стариков... Еще очень важная связь – учитель и ученик. Тут у Гии и Буцы сошлось не совсем: Виктор Николаевич Джорбенадзе был профессором архитектуры в Политехе, а будущий скульптор Гия Джапаридзе поступил в Академию художеств. Но вообще-то архитектор и скульптор в городском пространстве не существуют друг без друга. Взаимопонимание этих двух творческих единиц необходимо каждому из них. Памятники во всем мире непременно атрибутируются по имени как скульптора, так и архитектора. Архитектор решает, где ставить памятник, он участвует и в выборе скульптора для проекта. А дальше – работа в постоянном контакте. Процесс этот не простой, тут очень важны как человеческая совместимость, так и творческое взаимопонимание... И в нашем случае важнее оказались не вузы, а «эффект глицинии» – Буца знал семью Гии Джапаридзе, дружил с зятем и сестрой Гии, бывал в доме и видел, что в этой семье растет талантливый скульптор... Ростом будущих профессионально-товарищеских отношений Буцы и Гии стало и то, что профессор был обаятелен, широко образован, талантливому студенту с ним было просто очень интересно. Виктор Джорбенадзе по прозвищу Буца более чем кто бы то ни было годился в учителя! Так повелось еще с начала шестидесятых...

Джорбенадзе не только старше Гии, он, в общем-то, был, хоть и не формально, но по своей оригинальной сути – зна-

менит. Был не просто знатоком и своего дела, и вообще мировой культуры, но и *златоустом!* Так когда-то сказал о нем один из наших общих друзей – Гия Абуладзе (тоже архитектор, я вас с ним еще познакомлю). Буца отдавал свои знания, свой вкус и фантазию с удовольствием, причем на любом из трех языков – грузинском, французском и русском. Делился знаниями не только на лекциях в Политехническом, но и с очень разными людьми, которых выбирал сам. Но щедро говорил и с «неизбранными», с теми, кому интересно. Очень интересно... В общем, Джорбенадзе был настоящий *professeur*. Так и сейчас считает Гия.

Буца интересовался его студенческими работами, наблюдал начало пути.

И вот к восьмидесятым все встречи, разговоры, наблюдения и общения превратились – в общее дело.

Буца пришел в мастерскую скульптора как автор грандиозного архитектурного проекта, в котором скульптор был необходим.

МАСТЕРСКАЯ ГИИ

Ее надо описать отдельно. Сейчас таких мастерских нет и, боюсь, не будет никогда... Она стала одним из моих любимых мест в Тбилиси с середины 80-х...

В респектабельном районе Ваке, где жило отнюдь не только начальство, но и интеллигенция, как научная, так и творческая, был совершенно нетипичный участок земли, который можно было бы назвать садом, так много было там деревьев и кустов, которые не только цвели, но и плодоносили. Но в этом раю, под этими деревьями как раз и жила бурной жизнью мастерская молодого скульптора, больше напоминавшая классический средневековый цех – кузнечный, плавильный, формовочный... Возможно, там не обошлось и без алхимии. Там ковали железо, отливали бронзу, отбивали окалину, думали о патинировании, занимались выколоткой по листовой меди. Не перечислить, что умели делать подмастерья скульптора, мастера-универсалы... Они были

работяги, глубоко понимающие свою работу, умельцы на все руки – некоторых я знала по имени. Чумазы, мудры, сильны, ироничны, эти джентльмены молота и наковальни поглядывали на меня сквозь огонь и дым не без лукавства, но по-доброму и учтиво...

NB. *Учтивость и такт – вот черты, которые удивляли и радовали меня в Тбилиси довольно часто...*

Гия работал прежде всего с металлом, но в его мастерской мир не был грубым. Здесь жило творчество и сотворчество. Азарт. Не очень-то хозяин там командовал. Но был безусловно главным, потому что – художник, автор, и дело знает. В мастерской горели горны, гремели молоты и молоточки, искрилась сварка! Я, оказавшись поблизости, особенно если в сумерки, мимо не проходила. Еще и потому, что знала, в этой мастерской, в которой я могла по пути сорвать яблоко или персик, делается весь металлический дизайн того самого дома на холме, который строил Буца. От храмовых колоколов (я уже понимала, что дом, который задумал Буца, был именно храмом) до мелкой медной и бронзовой пластики...

Я помню, как через несколько месяцев после того, как Дионис был водружен на мраморную колонну, я встретилась в мастерской на улице Рижской с ними обоими – с Гией и Виктором Николаевичем Джорбенадзе.

В темноватом закутке стоял опять-таки верстак (как на веранде над Курой, где архитектор Батиашвили познакомил меня с Буцей). На верстаке, на оберточной мягкой бумаге лежала небольшая бронзовая скульптура – не старинной, а настоящему древней работы.

Это был – мальчик. Пухловат для подростка, похож на ученика младшей ступени школы, который регулярно пропускает уроки физкультуры... А в прическе его угадывались виноградные гроздья. Бронзу, из которой он был отлит не одну тысячу лет назад, покрывали как бы мелкие раковины, да и царапин было немало. Тяжело ему доставалось, это было очевидно. Особенно больно было увидеть его ногу, она была кем-то грубо отломана, до щиколотки... Но глаза его были до странности светлыми. Ростом мальчик был сантиметров двадцать.

Гия объяснил: – Его нашли в Каспском районе, в центре Грузии. Там археологи часто находят артефакты эллинской эпохи.

Джорбенадзе подтвердил: – Это Дионис – он из малых греческих, из «домашних» богов...

И обратился ко мне: – Вы знаете, Дионис еще и самый младший греческий бог – последний из рожденных на Олимпе.

– В России таких детей называли поскребышами, – неожиданно вспомнила я свое деревенское уральское детство.

Буца тут же откликнулся, остановив на мне крайне серьезный немигающий взгляд: – Я тоже хорошо знаю это слово, оно бытует на севере России. Мы ездили по северам: Беломорье, Вологодчина – монастыри и церкви изучали... И мама моя этим словом пользовалась! Она – знаменитый в Грузии акушер, вот уж кто понимает в младенцах. Ее все знают!

Последнее прозвучало как-то сверхзначительно. Но я к тому времени уже была наслышана про действительно знаменитую маму Любу – Любовь Санадзе, которая тогда была еще жива и сына своего любила самозабвенно... Да и эту внезапную серьезность и значительность Буцы я тоже знала. Это была его игра, его лукавый театр – новеньких студенток он приводил в замешательство... Но я ни студенткой, ни новенькой уже не была. Джорбенадзе мне очень нравился.

Помню, Гия разрешил мне маленького бога Диониса подержать в руках. Тяжеленький не по росту. И действительно странный был у мальчика взгляд...

– Обратите внимание – у него глаза из серебра.

Это Виктор Николаевич сказал уже вполне просто. А меня это поразило.

Так я познакомилась с богом Дионисом в его детские годы.

В год не по разу, по разным случаям и погодам я бывала в мастерской Гии на Рижской улице и, посмотрев, что там у Гии в мастерской новенького, повстречавшись даже с кем-то из новых или уже старых знакомых, я добиралась до уютного, двухэтажного небольшого дома... Вот так из царства Гефеста – снова попадала в рай, но уже не в сад, а в очень чистую и уютную гостиную. Здесь часто играли и бегали нарядные милые

Гия Джапаридзе и Виктор Джорбенадзе

девочки, а их мама, жена Гии – Марина, накрывала на стол. Господи, как там было хорошо... Зайти в это место «просто по делу» (в моем случае, газетно-журнальному) было невозможно. Каким бы оно ни было, я всегда оказывалась гостьей. В Тбилиси той поры это тоже был непреложный обычай... Из мастерской возвращался Гия, шел умыться и переодеться, а когда возвращался, стол был уже под белой скатертью – накрыт для прекрасного обеда или для чаепития. И непременно было вино, собственное – с виноградника под Мцхетой... А для девочек бывал накрыт и свой «детский стол»...

ГОЛОС СВИДЕТЕЛЯ

Как же я правильно вчера поступила, что позвонила Гие Джапаридзе, другу. Действительно, так просто и замечательно!.. Вроде и не столь важно, всего-то воскрес крохотный реальный эпизод, установка статуи на пьедестал... На самом деле – важно. Этого потребовала документальность – достоверность текста, который пишу.

И вот возник голос свидетеля – скульптора Гии – если я забы-

ла, он-то, создатель скульптуры, чуть подумав – вспомнил... И вот, на перекрестке моего сомнения и памяти скульптора, возникла не только небольшая, но настоящая деталь жизни... Возникли и день с дождиком, и сам – абсолютно живой, таинственный, но понятный – архитектор Джорбенадзе, герой будущей книги, которого давно нет на свете¹... Как и то реальное обстоятельство, что он действительно не мог отвлечься от незаконченного своего дела. *Эпос должен быть непрерывен.* Гия прав, Буца был вот такой.

Какой же? Какими они были, участники и носители тех, уже далеких, времен и событий? Постепенно будет выясняться, для того и пишу...

И возникает у меня еще один вопрос – не к «Алисе из ноутбука», а к самой себе: документ – что это?..» Если попросту, без Гугла и толкового словаря, это то, что видел своими глазами и подтвердил свидетель. Но важно, чтоб разглядел хорошенько. Иначе его свидетельство недостоверно. Герои текста, который я сейчас пишу, а вы читаете – в частности, скульптор Гия Джапаридзе – не просто свидетели, но и непосредственные участники события под названием «Дом навсегда». Персонажи романа все разглядели сами и всерьез. Достоверность зашкаливает. Храм на холме и бронзовый мальчик у подножия дома – как печать и подпись под документом о нашей с вами эпохе...

ОТДЕЛОЧНЫЕ РАБОТЫ

Напомнив читателю, что мы с ним движемся путем документального романа, констатирую: в начале марта 1984 года по поводу восшествия на пьедестал мальчика Диониса торжеств не было, все разошлись.

Стало быть, скорее всего, от новых знакомых я оправилась по своим делам. Частным, но для меня в то время – важным...

Забавно, что не только в доме на холме, в таинственном и невозможном по тем временам храме, но и в моей, полученной

по обмену «двушке в хрущобе» – тоже наступил очень, очень напряженный период. По сути, оба проекта, Буца и мой, одновременно вступили в период последних плановых работ перед вводом объекта в эксплуатацию... скажем так.

Архитектору Джорбенадзе сдача дома и всей приписанной к нему территории предстояла почти через пять месяцев. А я через четыре недели должна была встретить мою второклассницу дочку в нормальной квартире.

Еще в феврале я прописалась и нашла школу для дочки, а к началу марта заметно продвинулась и с ремонтом. Если коротко: я уже отскребла от старых обоев стены, отмыла и побелила потолок, зашпаклевала и покрасила рамы и двери, отдраила ванну, а также купила новый унитаз и кафель для санузла. Но главное – нашла и купила недорогие и благородные полосатые серо-голубые обои в гостиную. Я еще работала. И совершенно неважно, что зарабатывала копейки, потому что, хотя в гастрономе было примерно как везде по СССР, но на окраинном тбилисском базаре Навтлуги ранней весной продавались шикарные помидоры, и стоили они 12-15 копеек за килограмм... до сих пор помню. Горячий хлеб *шотис пури* и яичница с помидорами меня более чем устраивали. Кроме того, моя соседка тетя Тоня, женщина больная, но мудрая и веселая, ежедневно ко мне заходила и проверяла, не умираю ли я с голоду... Так что я была в полном порядке. Вот только вестей о продвижении контейнера с мебелью, книгами, одеждой – пока не было никаких. И еще я знала по опыту, что обои лучше клеить вдвоем. А тетя Тоня после операции на почках в этом деле помочь мне никак не могла. Еще плохая новость – у меня отрезали домашний телефон, потому что в Перми телефона у нас не было, значит, и в Тбилиси быть не должно...

Из хороших новостей – пришла телеграмма, что ко мне

¹ Архитектор Джорбенадзе скончался в Тбилиси в 1999 году.

едет из Перми – в гости и помогать с наклейкой обоев – девушка по имени Ева Павлова. Она училась в школе, где ее любимым учителем истории был тогда мой муж и Галин папа, Леня Юзифович, впоследствии известный писатель, а тогда начинающий, но уже очень хороший. Ева готовилась поступать в Пермский мединститут. А еще в совсем недавней – в предыдущей жизни – бывала у нас в гостях вместе с чудесной черной королевской пуделихой по имени Юта... Телеграмме Евы Павловой я обрадовалась. Все складывалось отлично: мы вместе с гостьей с обоями справимся в лучшем виде! Вот видите, как много всего происходит, когда одна жизнь вдруг рушится навсегда, зато новая рвется стать абсолютной реальностью...

Контейнер с вещами прибыл внезапно, грузчики втащили все подряд на мой четвертый этаж (кое-что оказалось поломанным) и ушли. Сосед по лестничной площадке, скромный и тихий художник Миша, безропотно помог растащить кое-что из мебели по комнатам, но так, чтоб не близко к стенам, которые ждали обоев. И ушел писать свои очень большие и очень странные картины...

Я не перестаю изумляться, сколько неожиданного свалилось на меня, когда я занималась «отделочными работами». Как, оказывается, повезло мне с моим репортерством: эта внештатная служба не только кормила меня яичницей с помидорами и овсянкой, но и обязывала меня с утра шляться по невероятному городу... Как я так сразу ее получила – тоже «эффект глицинии», правда, совсем неожиданный... За всеми чудесами в нашей жизни стоят люди, дома, растения и реки.

Не всегда все было благостно. Учтивость и любопытство тбилисцев превалировали, но на проспекте Руставели, как и в его окрестных закоулках, случалось и другое. Обилие карманников-щипачей – у меня несколько раз срезали сумочки со всем содержимым, включая паспорт. Но паспорт (а в нем тогда стоял адрес прописки) воры почтительно отправляли по почте

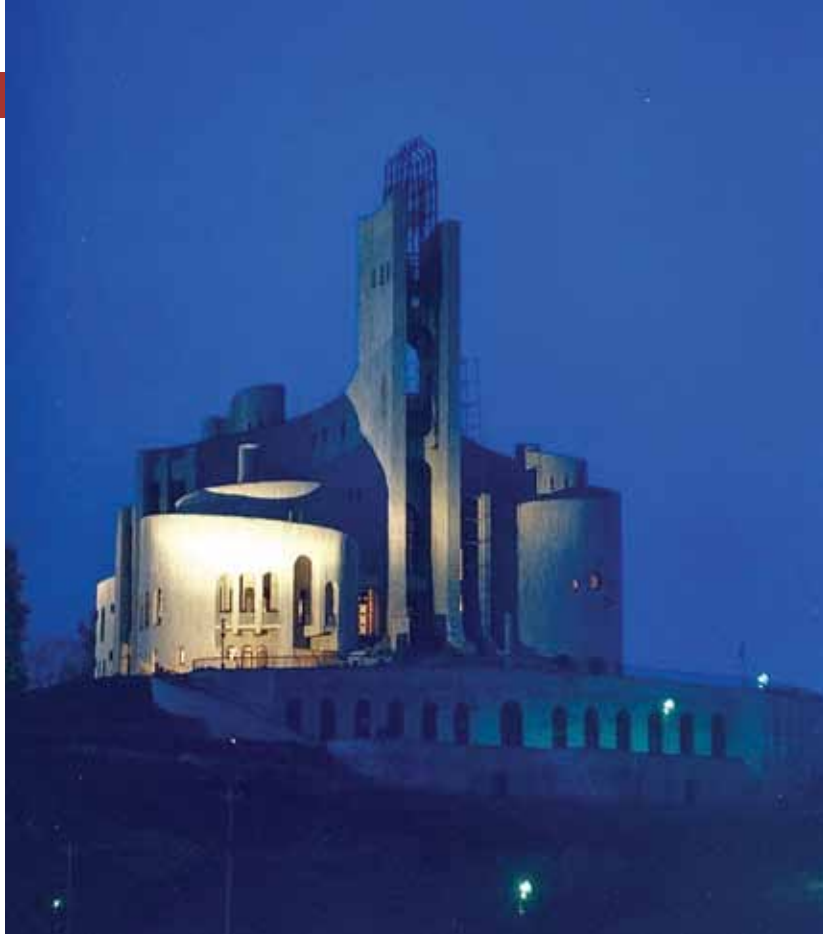

Фото В. Некрасова. 1984

на мой адрес. Бывало, и профессиональные нищие – пугали меня (но не тбилисцев) натуральными и сфабрикованными увечьями, мольбами о помощи и проклятьями; немало было и потасканных наглицев, пристававших к молодым и не очень молодым приезжим барышням. Я не сразу во всем этом разобралась. Но как-то я и не боялась ни нищих, ни наглицев... Дневная толкучка на Руставели была жизнерадостна и в целом доброжелательна... Но ходить по Тбилиси ночью я не то чтоб опасалась, просто – куда и зачем?

Знакомые появились не сразу. Но, как видите, появились! А дальше пошла тбилисская цепная реакция. Тбилиси был атомным реактором... Не знали? Но напомню: отделочные работы брали свое! Времени прогуливаться по вечерам у меня попросту не было.

Но когда приехал фотограф Валера Некрасов с большим кофром роскошных камер и телеобъективов, я стала с ним выбираться на вечерние прогулки специально по тбилиским красотам. Я все-таки знала, где они прячутся.

Первым делом я повела Не-

красова к дому на холме, где тоже шли «отделочные работы»

Не так давно Валерий Некрасов узнал, что я пишу документальный роман. Вот он подарил мне этот документ. Подлинник.

Настоящая, не от ИИ фотография – ее я считаю самым, самым настоящим документом, которому я доверяю. Автор что-то увидел, разглядел, наведя на резкость, нажал на спуск. И сохранил мгновение истины. Как видно на фото, в доме тем вечером было темновато... Но и вечером там шли «отделочные работы».

Когда-нибудь вы, читатель, или ваш правнук придете вечером к подножию этого дома – как это сделал в далеком 84-м фотограф Некрасов, один из друзей моей юности, первым приехавший в гости ко мне в Тбилиси...

Он снимал допотопной (но прекрасной) техникой (наверное – Canon), на цветной Kodak, телевизиками... А я иной раз помогала ему таскать к «точкам съемки» его деревянный штатив.

Оказалось – не зря. Я тоже – свидетель.

ИРИСОВЫЙ ПОЧЕРК ЭРНЫ ДОЛМАЗОВОЙ

■ Екатерина МИНАСЯН

Справа, слева, за спиной... повсюду картины. Написанные в разные периоды жизни, они несут с собой энергию прошлого. Когда остаешься с ними наедине, плотность энергии возрастает. Ты это чувствуешь по напряженной тишине. Как в наступившем молчании с человеком, когда повисает неловкая пауза. Только здесь нет никакой неловкости, равно как и тревоги. А вот наполнение – да, оно чувствуется. Наполнение эмоциями и переживаниями. Ты принимаешь поступающие сигналы и воспроизводишь их, как транзистор. Боль разочарований, обида предательства, надежда на встречу с чудом... По размещенным на стенах работам можно изучать анатомию творческого пути: юность, поступление в вуз, поиск собственного стиля, места, депрессия, пробудившаяся любовь. Находится место и для тонкой иронии, большей частью в коллажах. Один из коллажей художницы Эрны Долмазовой стал в этом году победителем ежегодного конкурса, посвященного творчеству Сергея Параджанова.

ЛОСКУТНОЕ ИСКУССТВО – ПАРАДЖАНОВСКИЕ МОТИВЫ

Параджанов основательно вошел в жизнь Эрны, когда она начала заниматься коллажами, в нулевых. В детстве у Эрны был сказочный сундучок с девчачьими секретами: фантиками, письмами, камушками... Сундучок был для Эрны все равно что кроличья нора для Алисы. Она раскрывала его после прихода из школы и пускалась в странствие по выдуманному миру. Но это был только ее мир, пропуск в который получить никому другому было невозможно. Эрна аккуратно складывала туда свои сокровища и ревностно берегла от посягательств домашних. Собираательством на первый взгляд ненужных вещей в семье занимались и дедушка, и отец. Передалась эта страсть и Эрне. Стол в застекленной веранде завален хламом, точнее, это на обывательский взгляд мусор. А художник видит в нем сподручный материал и превращает в образцы искусства. Каждая, даже самая мелкая, деталь находит себе новое применение. Помните, как у Ахматовой: «Когда бы вы знали, из какого сора растут стихи...» Когда какая-нибудь из примелькавшихся вещей начинает мозолить глаз, Эрна берет ее в руки, примеряет к другому отжившему свой век предмету и начинает творить. Прерывать или мешать ей в этом процессе нельзя. Магия разрушится. Эрна не любит откладывать работу на следующий день, нужно работать, пока вдохновение не покинуло. В 2013-м у Эрны прошла персональная выставка, в которой были представлены порядка 60 коллажей и картин с обнаженной натурой. Экспозиция, прошедшая в Карвасле (музее истории Тбилиси), имела большой резонанс. А потом наступило затишье. Только затишье в творчестве компенсировалось большими изменениями в личной жизни. У Эрны родился сын.

– Прошли годы. Сын подрос, у меня появилось больше времени. Хотелось чего-то нового, свежее. Я жила в каком-то ожидании чуда. А оно все не происходило. Как-то раз я увидела работы участников ежегодного конкурса имени Сергея Параджанова, проводимого «Союзом

армян Грузии». Мне неоднократно предлагали в нем принять участие, но я смотрела на это со скепсисом. Казалось, что участие в конкурсе вместе с любителями для меня, у которой уже была такая серьезная выставка, — это откат назад. Ну, а потом все же решилась. И получила второе место, в следующий раз был приз зрительских симпатий, а в этом году моя работа заняла первое место. Никогда не придавала нумерологии особого, мистического значения. Но именно 9 января (день рождения маэстро Сергея Параджанова) я сделала работу под названием «Инесса». Причем не намеренно, а просто так получилось. И эта победа меня завела, влила в меня энергию. По внутреннему ощущению начинается какой-то новый этап в творчестве.

ДИСТАНЦИЯ ДО ПАРАДЖАНОВА

Эрне повезло еще на старте. Она с самого детства знала, что будет художницей. Редко, но бывает и так — человек сразу же определяется со своим призванием. Эрне было девять лет, когда ее привели в кружок при Дворце пионеров, как тогда назывался Дворец молодежи. А по окончании школы она поступила в художественное училище имени Я. Николадзе. Для того чтобы поступить в Тбилисскую академию художеств не хватало знаний, а вот для учебы в училище их было в переизбытке.

— Я была белой вороной. Языка грузинского не знала, ничего не понимала. В те годы обучение грузинскому языку в школах было слабое. Мы заканчивали школу с очень скудным запасом слов. Но я настолько была погружена в процесс обучения, что это меня

мало волновало. Единственное, из-за чего я переживала, — это оценки. Мне казалось, что я уже хорошо рисую, за плечами было многолетнее обучение во Дворце пионеров, а мне почему-то ставят четверки. Самонадеянной была, думала, что уже все знаю. И в то же время выкладывалась по максимуму. Все после занятий уходило по домам, а я задерживалась, работала с композицией или с чем-то другим. Если у нас была свободная тема, то я неизменно выбирала портрет. Позировала мне сестра, соседские девчонки...

Вообще, все происходящее в нашей жизни имеет некую закономерность. Я училась в училище, но продолжала мечтать об Академии художеств. И безуспешно пыталась сдать экзамены. Но сдай я их удачно, не поступила бы в экспериментальный институт, который открыл ректор

нашего училища Гурам Клибадзе. Не началась бы золотая пора с походами на выставки, в музеи. И не предложил бы Гурам Клибадзе по окончании института вернуться в училище имени Николадзе уже для преподавания. Все сложилось бы по-иному... Каждый год у меня было по курсу. Мы ходили с учениками по улочкам старого Тбилиси, рисовали с натуры. Видимо, это как-то определило дальнейшую работу с детьми. Потому что после закрытия училища я подалась в армянскую школу, где требовался педагог по искусству. Да так там и осела на долгие почти 20 лет. Выучила армянский язык – дети сами меня и учили, коллеги помогали. Полюбила общение с детьми, в которых стремление к прекрасному так трогательно наивно. Стараюсь воспитать теперь уже в них упорство в достижении поставленных задач. В свое время, для того чтобы добиться желаемого результата, я работала в училище по 8 часов в сутки, у меня пальцы начинали ныть. Могла одну и ту же вещь рисовать 10 раз. Все вокруг знали о моей работоспособности. Как в Библии говорится, стучитесь, и откроется вам дверь. Обязательно. Я очень долго стучалась. И мой учитель Гурам Клибадзе видел, что я стучусь. У него хватало терпения объяснить, показать, хотя он и нервничал, когда я не понимала. Дверь искусства открывается не сразу. Ты должен доказать своим самоотверженным трудом, что ты не случайный тут человек и чего-то стоишь. Благодаря сподвижничеству Гурама Клибадзе я получила маленькую комнатку, заваленную хламом. Мне нужно было место, где я могла бы писать. Помимо преподавательства в училище, хотелось творчески расти. Весомые сдвиги появились лет через семь. Я почему-то стала рисовать бусинки на картинах. И, помню, кто-то, заглянув в эту комнату и увидев одну из картин, воскликнул: «Это же Параджанов!» Я, конечно, знала о существовании такого режиссера и художника, но в то время мало интересовалась его творчеством. И не имела представления о том, что бусинки, которые я рисую, Параджанов, оказывается, часто использовал в своих коллажах. Он умер, когда я школу закончила. О Параджанове массово заговорили гораздо позже.

ИРИСОВЫЙ ПОЧЕРК

У каждого художника есть собственный почерк. У Эрны он тоже есть. Это ирисы. Удивительные цветы! В них – стать и хрупкость, нежность и безрассудство, легкость и грациозность. А в ирисах Эрны еще и таинственность. Что-то запредельное, плохо поддающееся описанию. Ирисы Эрны не составляют натюрморты, хотя есть и такие. Они появляются на картинах как метка, как придание картине нового смысла. Прежняя изобразительная плоскость раздвигается, обнажая новые философские подтексты. Ирис ассоциируется с властью и мудростью, страстью и творчеством. Он рассматривается как символ духовного пробуждения. В древней мифологии цветок олицетворял связь между жизнью и смертью. Может, поэтому на тбилисских кладбищах их можно встретить в большом количестве.

– Я не покупаю цветы, – продолжает Эрна. – Иду на работу, вижу – на скамейке лежит букет бледно-голубых ирисов. Самое интересное, вечером я

мечтала о цветах, а наутро уже получила. Космос меня услышал! Я их взяла и пошла в школу, где мы с учениками их в этот день рисовали. Или же иду к предкам на кладбище, собираю цветы и приношу в мастерскую. Раньше приносить цветы с кладбища считалось плохой приметой, а сегодня все меньше людей подвержены суеверию. Или же мне дарят цветы на какое-нибудь торжество. Я беру мои ирисы и бегу в мастерскую. Собираю всю свою энергию и пишу – на старом холсте. Главное – успеть, ведь они нежные и умирают быстро, через каких-то пару часов. Цветок появляется на картине 10-летней давности, и картина начинает разговаривать совсем по-другому. У цветов должна быть своя история, прошлое, как говорила Гаянэ Хачатурян.

ВСТРЕЧА С ГЕНИЕМ

К известной тбилисской художнице Эрна попала перед поступлением в техникум. Было это так. Проучившись в кружке при Дворце пионеров, Эрна решила продолжать художественное образование. Вот только куда двигаться, в каком направлении, пока не знала. Эрне очень хотелось получить одобрение, путевку в новую жизнь от талантливой Гаянэ. Близкая подруга Сергея Параджанова, она и сама когда-то училась в том же училище, куда собиралась поступать Эрна. Она собрала свои работы и отправилась вместе с отцом в гости к художнице. Гаянэ в тот день много рассказывала о трудностях выбранного пути. Впрочем, Эрну сбить с взятого ею прицела было нельзя.

– Она очень хорошо нас приняла. Посмотрела мои работы, а их было много. Не помню, что она сказала. Я еще долго находилась под впечатлением от этой встречи. Все было в том пространстве волшебным. Гаянэ не имела отдельной мастерской. Она жила и работала в двух небольших комнатах. Оттого и грань между бытом и творчеством была стерта. Всюду были точки от красок – на дверях, окнах, стенах. Будто в создании ее удивительных картин принимали участие и стены дома. Это была первая, но не последняя моя встреча с Гаянэ. Как-то раз, уже после поступления в училище, я взяла свои картины и пришла к ней без предупреждения. Сказала, что мы рисуем сейчас в голландском стиле. Она просмотрела работы и сказала: «Это не голландский, а твой стиль». И еще я получила от Гаянэ благословение, и это было для меня важнее всего. Я начала жаловаться на то, что хотела бы принять участие в выставке, а работ у меня пока мало. Молодая была, амбициозная. «А зачем тебе выставка?» – спросила она меня. «Не нервничай, – посоветовала Гаянэ, – все придет со временем. Вся жизнь впереди, работай и не думай о выставках». Как-то раз я сидела перед телевизором и вдруг увидела, что в Москве проходит выставка работ Гаянэ. Синие (ее любимый цвет) стены галереи, картины, под каждой – ее философские изречения. Затаив дыхание, я ждала, когда же на экране появится, наконец, и сама художница. Но так и не дождалась. Ее пригласили в Москву, но она отказалась приехать. Как потом объяснила Гаянэ, она не выдержала бы этого эмоционального напряжения. Это была ее первая персональная выставка. Я ходила к Гаянэ без звонка, и в моем окружении этому

удивлялись, говорили, что к ней так не ходят, она этого не допускает. Раз, помню, она мне сказала, что не может меня принять, я у нее пробыла всего полчаса, ей некогда было, она писала картину. Иногда даже выходила меня провожать... То пришла и помогала ей холсты натягивать, то случайно увидела, что ее картина в каком-то антикварном салоне продается – звоню рассказываю, а она поручает узнать цену и прийти к ней. Приду, бывало, сижу, а она говорит об очень философских вещах. А я ведь не созревала, что соприкасаюсь с гением. Иначе ходила бы с бумагой и ручкой и все записывала бы. Гаянэ уже была известна и в Грузии, и далеко за ее пределами. Ее картины покупали для коллекций Андрей Тарковский, Мераб Мамардашвили, Тонино Гуэрра, Владимир Спиваков, Франсуаза Саган, Михаил Туманишвили, Гия Канчели, Отар Иоселиани, Ив Сен-Лоран и многие другие. Но масштаб ее личности еще не был оценен сполна. Был Параджанов, который водил к своей близкой подруге знаменитостей и знакомил их с творчеством художницы. Он организовал и первую персональную выставку Гаянэ Хачатурян, и друзья, коллеги говорили о ней как о величайшем явлении в живописи. Однако широкая популярность пришла к художнице позже, когда магический реализм, в котором писала Гаянэ, стал находить понимание и оценку. Иногда для того, чтобы узреть гениальность произведения, нужно время и расстояние. Это как если ты смотришь на картину с близкого расстояния и не можешь оценить ее достоинства – ты должен отойти от нее. У меня ведь не было понимания величины Гаянэ... Когда я узнала, что она тяжело болеет, я собрала абрикосы из своего сада и пошла к ней. Но она не вышла ко мне. Попросила соседку их у меня взять. Помню свое замешательство, чувство стыда, что ли. И меня мучил вопрос: почему так со мной случилось? Я никому не рассказывала об этом эпизоде, о том, что мне захотелось ее увидеть, а она даже на порог не пустила. Когда я пришла уже после кончины на панихиду, то увидела большую картину – она ведь любила писать полотна. Это была фреска с изображением самой Гаянэ. Я узнала ее глаза. Позже я поняла, что женщины со странным взглядом, у которых один глаз смотрит вниз, а другой вверх, – ее автопортреты. Я редко встречала ее на выставках. С виду такой серый воробушек, а внутри – человек бесконечной глубины. С нею было непросто, но безумно интересно. Гаянэ была очень доброй. Рассказывала, что ее картины всегда продавались, но она часто скрывала это от коллег. И когда я ее спросила, почему она молчала, Гаянэ ответила: «Чтобы им не было больно». Если кому-то нужна была помощь, она просто отдавала свою работу, говорила: «Продайте и выручите за нее деньги». Гаянэ была абсолютно тбилисским человеком. Очень любила Тбилиси и не мыслила своего существования без него. Говорила, что распята между Грузией и Арменией. И в творчестве эта метафора отражалась лучше всего. Ей предлагали переехать в Ереван, но она отказалась.

ТБИЛИСИ – НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

Как-то Гаянэ заметила, что между Эрной, с которой она общается, и той, что пишет картины, – огромная пропасть. «Это разные люди». В творче-

стве полнее раскрывается человеческая сущность. Обнажается его истинная натура. Выходят наружу затаенные желания и переживания. Если в природе и существует территория абсолютной свободы, то она именно там, в месте, где можно жить без сдерживающих оков и быть самим собой. Беспечно тут, в искусстве, бродить по Тбилиси, теряясь в лабиринте его узких улочек. Застывать у видавших на своем веку разное старых домов... Тбилисские пейзажи у Эрны узнаваемые, теплые. С солнцем, увитыми цветущей глицинией деревянными балкончиками и кирпичной кладкой обветшалых стен. Тут и живописный дом, расположенный за армянской церковью в районе Авлабари. И дом на пересечении двух улочек в Старом городе, что попал в кадры художественного фильма «Как дела, как дома». И залитый солнцем и наполненный бирюзовыми красками район храма Сурб Ншан (Святое знамение).

– Был Новый год, ужасное настроение и пандемия. В городе никого нет, туман. Я пешком дошла с района Ортачала до Орбелиани. И рисовала до тех пор, пока не зажглись фонари. В это время работа

Сурб Ншан

останавливается, тени начинают ложиться по-другому. Но нужно было устроить куда-нибудь еще мокрую картину и краски, потому что до дома идти было далеко. Тут я вспомнила о знакомой, которая живет в Старом городе, и оставила их у нее. Я долгие годы писала Тбилиси в графике. А с того дня решила, что буду рисовать город в живописи. Раз в месяц Эрна берет мольберт и отправляется на встречу с городом. Тифлис радуется, разворачивается к ней наилучшим ракурсом, потому что к творцам, воспевающим любимый город, относится с особой теплотой. Да так и застывает, чтобы картина получилась реалистичной: балконы домов, ворота, стены – все должно оставаться неизменным. Случалось, терракотовые крыши на домах заменяли на новые, и Эрна с сожалением откладывала неоконченную картину.

– Мне нравится рисовать на месте, не выдумывать или рисовать с фотографии. В момент, когда ты рисуешь, тебя не волнуют ни холод, ни голод. Может идти дождь, но и его ты не заметишь. Всегда есть страх, что могу чего-то не успеть. Главное – застать улицы города обнаженными, пока они не оделись в листву.

Старый Тбилиси рисуют сегодня многие, но не у всех получается с такой точностью передать цвет и настроение. Помню,

как солнечным днем прогуливалась по близлежащим от собора Сурб Ншан улицам. И как наполнилась радостью от бирюзового, голубого, разлитого по куполу, стенам, воздуху... Те же чувства и от картины, на которой эта улица и храм. Та же невесомость, легкость. И то же быстротечное, неуловимое счастье бытия. Постичь таинство, узрев, как этого добивается художник, – сложно, почти невозможно. Можно только строить догадки, приближающие к истине. И одна из таких догадок видится в гармонии существования с гением места. В совпадении художника с собственным городом.

– Мы с моим городом живем в гармонии. Мне нравится все старое. Я собираю всякое старье и создаю из него произведения. Меня не раздражает эта старость, я знаю, как много видели эти кирпичи, эти стены. Дом, что сохранился напротив нашей армянской школы, свидетель тех времен, когда там был Ванкский собор. Я всегда читаю памятные доски, мне интересно, что в этом доме происходило. Если вдруг в Старом городе кто-то покрасит решетку, это меня сильно раздражает. Я нервничаю. Конечно, для жителей, живущих в этих домах, это неприемлемо, они-то хотят видеть свои дома ухоженными и красивыми. И жить им хочется в комфорте. Но для меня

такой дом теряет интерес. Если там идет ремонт или реставрация, я больше не буду его рисовать. Мне хочется рисовать дома с трещинами, складками и морщинками. В этом я нахожу притягательность. Если меня попросят нарисовать портрет женщины с

макияжем, я не буду этого делать.

– А смогла бы творить в другом городе?

– Нет, я не смогла бы уехать. Здесь все мое. Я не могу порезать корни. Я завидую тем, кто может. У меня не получится. Слишком привязана. Некоторые уезжают, остаются без своих фотографий детства. Меня, слава богу, жизнь не ставила перед таким трудным выбором. Я могу уехать, но знаю, что всегда вернусь. Много дел, которые нужно успеть закончить.

Мариам Хачвани на фестивале в Карловых Варах

РЕИНКАРНАЦИЯ ГРУЗИНСКОГО КИНО

ТОП-5 самых интересных режиссеров «новой волны»

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Вы не задумывались, в чем феномен нового грузинского кино? Почему его необычная, порой проникновенно грустная эстетика так притягивает, оригинальный неторопливый стиль повествования доставляет такое удовольствие, а послевкусие — как от хорошего грузинского вина — долго не оставляет? Неужели все дело в мощных традициях национального кинематографа и тенях маститых предков? Или на этот раз — в новом, уникальном и ни на что не похожем взгляде на мир, на все, что происходит снаружи и внутри человека? Что ж, давайте разберемся, познакомимся и влюбимся в «новую волну» грузинского кино вместе.

ЧТО ТАКОЕ НОВОЕ ГРУЗИНСКОЕ КИНО

Как известно, грузинская школа кино прославилась на весь мир благодаря картинам таких режиссеров, как Тенгиз Абуладзе, Георгий и Эльдар Шенгелая, Резо Чхеидзе, Отар Иоселиани и Георгий Данелия, чьи работы стали частью мирового наследия. Но в 1990-х годах грузинская киноиндустрия, к сожалению, столкнулась с большими трудностями из-за известных политических и экономических событий и проблем. И только с начала 2000-х национальный кинематограф поти-

хоньку переживает ренессанс, и новые талантливые режиссеры все чаще заявляют о себе на местной и международной арене.

Пожалуй, самые громкие имена грузинской «новой волны» — это Георгий Овашвили («Другой берег», «Кукурузный остров»), Леван Тутберидзе («Прогулка в Карабах»), Нана Эквтимшвили («Долгие светлые дни»), Заза Урушадзе («Мандарины»), Леван Когуашвили («Слепые свидания»), Резо Гигинеишвили («Заложники»), Мариам Хачвани («Дэдэ»), Дмитрий Мамулия («Преступ-

ный человек»), Леван Акин («А потом мы танцевали»), Деа Кулумбегашвили («Начало», «Апрель») и Александр Коберидзе («Что мы видим, когда смотрим на небо?»).

Поскольку грузинские кинематографисты нового времени часто работали совместно с коллегами из европейских стран и США, во многом новое грузинское кино было ориентировано на международного зрителя. Неслучайно фильмы грузинских авторов номинировались на международные премии и были удостоены призов на престижных кинофестивалях мира.

Особый случай – кинокартина «Мандарины» покойного Зазы Урушадзе, которая была номинирована на премию «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке» от Эстонии, в копродукции с которой она снималась. В фильме рассказывается о тяжелом моменте современной грузинской истории – грузино-абхазском конфликте 90-х годов прошлого века. Режиссер мастерски повествует о том, как важно сохранить в себе человека, находясь в нечеловеческих обстоятельствах.

При этом не секрет, что современные грузинские кинематографисты сталкивались и продолжают сталкиваться с рядом серьезных проблем. Среди них – очень скудное финансирование кинопроизводства со стороны государства, цензура, малое количество кинотеатров, да и в целом довольно непростая политико-экономическая ситуация в стране, в которой вообще тяжело что-то снимать, не говоря о чем-то стоящем.

Но даже в таких условиях режиссеры Грузии не перестают снимать кино и, по мнению международных критиков, делают это прекрасно: в нем чувствуется богатое кинематографическое наследие, тонкая эклектика Востока и Запада, культурная идентичность, возвращение к корням, философский взгляд на жизнь и, разумеется, отменный вкус.

И поскольку наступил май, а 15 мая – День рождения грузинского кино (в этот день в 1908 году в Баку состоялась премьера первых документальных кадров, снятых пионером грузинского кинематографа – режиссером и оператором Василом Амашукели), мы решили рассказать вам о пятерке наиболее самобытных, интересных режиссеров новой грузинской волны, к работам которых действительно стоит присмотреться.

зинского кино (в этот день в 1908 году в Баку состоялась премьера первых документальных кадров, снятых пионером грузинского кинематографа – режиссером и оператором Василом Амашукели), мы решили рассказать вам о пятерке наиболее самобытных, интересных режиссеров новой грузинской волны, к работам которых действительно стоит присмотреться.

РЕЗО ГИГИНЕИШВИЛИ: между двух стихий

Резо Гигинеишвили – наверное, самый медийный из нашей пятерки: режиссер, сценарист, продюсер с грузинскими корнями, работающий на пересечении двух кинематографий – российской и грузинской. Родился в Тбилиси в 1982 году, в 1991-м переехал в Москву, окончил ВГИК – режиссерский факультет в мастерской Марлена Хуциева. Все это – биография художника, с самого начала обреченного жить на разломе культур. И именно этот разлом стал его главной творческой темой.

Работа с историческим материалом, скрупулезное исследование эпохи и острое ощущение человеческой трагедии – вот что отличает лучшие его фильмы. Главным прорывом стала картина «Заложники» (2017) – реконструкция реального угона самолета в советской Грузии в 1983 году. Фильм вышел в программе «Панорама» Берлинского кинофестиваля и был

показан более чем на 30 международных фестивалях – в Теллурайте, Эдинбурге, Салониках, Шанхае, Хайфе, Каире.

Критики отмечают в «Заложниках» редкое режиссерское качество – отказ от легких суждений. Журналист британского издания Screen Daily писал: «Это захватывающая работа, которая свидетельствует о том, что Гигинеишвили превращается в талант, за которым стоит следить на фестивальной карте. Особенно впечатляет нагнетание клаустрофобной атмосферы». «Гигинеишвили соблюдает тонкий баланс между захватывающим остросюжетным фильмом и дотошной процедурной реконструкцией», – отмечал Screen Daily Hollywood Reporter.

В копилке Гигинеишвили-режиссера картины «Любовь с акцентом», «Жара», «Без границ», «Последний из Магикян» и др. Одним из последних крупных режиссерских высказываний Гигинеишвили стал фильм «Пациент №1» (2023) – о позднем периоде правления Константина Черненко. В январе 2024 года Резо получил за этот фильм награду «Белый слон» от киноведов и кинокритиков в категории «Лучший режиссер». Помимо этого, в 2023 году он был удостоен кинопремии Фонда Вернера Херцога за режиссуру той же картины.

Сегодня Гигинеишвили продолжает работать как режиссер и продюсер, оставаясь одной из самых узнаваемых фигур в пространстве русско-грузинского кино. Но снимает преимущественно в Грузии. Последняя художественная картина Гигинеишвили «Лирика» вышла на большие телеэкраны Грузии в январе 2026 года и была тепло встречена зрителями.

В своих интервью Гигинеишвили неоднократно рассказывал о личном отношении к кино и любви к съемочному процессу. «Снимать нужно только про то, что у тебя болит», – утверждает режиссер. И добавляет: «Я всегда счастлив, когда захожусь на съемочной площадке. На площадке я отдыхаю, сколько бы мне ни приходилось работать».

**ДЕА КУЛУМБЕГШВИЛИ:
смотреть невыносимо,
отвернуться невозможно**

Выросшая в маленьком кахетинском городке Лагодехи, Деа Кулумбегашвили – скорее всего, самое громкое имя в грузинской режиссуре последних лет и один из наиболее последовательных голосов мирового артхаусного кино.

Деа изучала режиссуру в Школе искусств Колумбийского университета и медиаисследования в New School в Нью-Йорке. Ее дебютная короткометражка «Невидимые пространства» была номиниро-

вана на «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля в 2014 году – это был первый случай, когда независимая Грузия участвовала в официальной программе Канн. Сигнал, что мир обязан обратить внимание, был подан четко.

Однако полнометражный дебют «Начало» (2020) стал событием, которое буквально переписало фестивальную карту. Исполнительным продюсером выступил Карлос Рейгас, а фильм получил четыре главные награды кинофестиваля в Сан-Себастьяне – за лучший фильм, лучшую режиссуру, лучший сценарий и лучшую актрису. Из-

дание IONCINEMA назвало картину «мучительным шедевром, напоминающим о дремлющем гневе, характерном для работ румынской новой волны», сравнив Кулумбегашвили с Кристи Пуйу и Кристианом Мунджиу. «Не помню таких фестивальных триумфов за двадцать с лишним лет пристальных наблюдений, – сказал тогда кинокритик Антон Долин. – И у грузинского кино ничего подобного не бывало, если не ошибаюсь, со времен успеха и награждения «Покаяния» в Каннах. В общем, дико круто».

В основе метода Кулумбегашвили – тотальная неподвижность камеры, длинные статичные планы и физическая телесность как язык. В интервью Cineuropa она говорила: «Когда ты вырастаешь в Грузии как женщина, тебя учат быть бескорыстной. С детства все, что ты делаешь, – это для твоего будущего: какой матерью ты станешь, какой женой... Тебя учат принимать собственную незначительность». Это и есть ее тема – женское тело как поле борьбы, невидимое насилие патриархальных структур, право на свободу.

Второй фильм Деи Кулумбегашвили «Апрель» (2024), снятый при продюсерском участии Луки Гуаданьино, закрепил ее место в первом ряду мирового кино. Картина вышла в основном конкурсе Венецианского кинофестиваля, где завоевала специальный приз жюри. Затем последовали показы на фестивалях в Торонто, Нью-Йорке, Сан-Себастьяне и Санденсе. Пресса рукоплескала. Variety назвал фильм «радикальным, разрушительным исследованием жизни, прав и тел женщин». IndieWire присвоил картине статус критического открытия, назвав режиссера «одним из самых висцеральных кинематографистов мира».

**ЛЕВАН АКИН:
посторонний внутри**

Леван Акин – фигура совершенно особая в этом списке: шведский режиссер грузинского происхождения, чья семья эмигрировала из Турции еще в 1965 году. Он родился и вы-

рос в Тумбе под Стокгольмом, но каждое лето возвращался в Грузию с сестрой, поддерживая знание грузинского языка и связь с культурой предков. Взгляд снаружи внутрь – это и есть его режиссерская оптика: он снимает Грузию так, как ее не могут снять те, кто никогда ее не покидал.

Фильм «А потом мы танцевали» (2019) стал его главным прорывом и одновременно – политическим скандалом. История любви двух молодых танцоров в ансамбле грузинского танца вызвала яростные протесты на улицах Тбилиси. Официальный протест выразила Грузинская православная церковь, ультраправые организации вышли на демонстрации у кинотеатров в Тбилиси и Батуми; для обеспечения безопасности зрителей пришлось привлечь полицию. В ответ на угрозы Акин сказал прямо: «Абсурд, когда люди, купившие билеты, должны проявлять храбрость и рисковать, просто придя на фильм. Я снял этот фильм с любовью и состраданием». При этом картина

завоевала 29 наград, включая Gold Q-Hugo на Чикагском международном кинофестивале.

Фильм «Пересечение» (2024) вернул его в Грузию – теперь как в отправную точку путешествия двух людей в Стамбул в поисках пропавшей трансгендерной племянницы. Картина открыла секцию «Панорама» Берлинского кинофестиваля 2024 года и получила специальный приз жюри Тедди Эварда, вручаемого за кино на квир-тематику. Впоследствии фильм был продан в более чем 50 стран. На шведских национальных кинопремиях «Гульдбагге» в 2025 году «Пересечение» повторило триумф «А потом мы танцевали», получив призы за лучший фильм, лучшую режиссуру, лучшую операторскую работу и лучший звуковой дизайн.

В одном из интервью Леван Акин откровенно высказался о цене художественной независимости: «Мой агент сказал мне однажды, что если бы «А потом мы танцевали» был снят по-английски, я бы имел огромный выбор для следующего проекта. Но если бы он был снят по-английски – это был бы уже не тот фильм. Я решил продолжать следовать сердцу». Сейчас Акин работает над новыми проектами, оставаясь одним из главных голосов квир-кинематографа в европейском пространстве.

МАРИАМ ХАЧВАНИ: Сванети как судьба

Мариам Хачвани – редкий пример режиссера, чья личная и творческая география совпадают до полного слияния. Она родилась в 1986 году в Сванети, окончила Государственный университет театра и кино имени Шота Руставели по специальности «Режиссура кино и телевидения». Суровые горные пейзажи, сванский язык, архаичные обычаи – все это не декорация, а органическая часть ее биографии и ее киномира.

Дебютная короткометражка Хачвани «Динола» (2013) сразу обратила на себя внимание международного фестивального сообщества: она была приглашена более чем на 50 фестивалей – в Клермон-Фер-

ране, Фрибуре, Норвегии, Гонконге. Полнометражный дебют Мариам «Дэдэ» (2017), снятый целиком на сванском языке в высокогорном сванском селе Ушгули, стал главным событием. Фильм получил специальный приз жюри в секции «Восток Запада» на кинофестивале в Карловых Варах, Гран-при фестиваля Avvantura в Хорватии, приз за лучшую режиссуру на TOFIFEST в Польше, приз зрительских симпатий на Cinemed во Франции и награды на Fort Lauderdale International Film Festival в США.

Секрет Хачвани – предельная достоверность. Актеры в «Дэдэ» – жители Сванети, не профессионалы. Ведутся диалоги на родном сванском, почти не звучащем с экрана нигде в мире. FilmAffinity отметил: «Режиссерский дебют Хачвани предлагает нам подлинный портрет обычаев и традиций этого края». За успехом «Дэдэ» последовало приглашение Каннского кинофестиваля: Хачвани стала одним из шести режиссеров, отобранных для работы в резиденции Cinéfondation в Париже, где она развивала сценарий нового проекта – «Нэнэ».

Сегодня Мариам Хачвани – не только режиссер. В 2021 году она основала Международный кинофестиваль в Местии, который вырос в значимое культурное событие Сванети: ежегодно фестиваль принимает программеров из Канн, Берлинале, Венеции, Карловых Вар и других ведущих смотров мира. В 2025 году ее короткометражный документальный фильм «Земля мужчин» получил приз «Сердце Сараево» на Сараевском кинофестивале как лучший короткометражный документальный фильм.

АЛЕКСАНДР КОБЕРИДЗЕ: медленный взгляд как манифест

Александр Коберидзе – самый радикальный из пятерки, художник, последовательно разрушающий конвенции кинозрелища. После изучения микроэкономики и кинопроизводства в Тбилиси он переехал в Берлин, где поступил в немецкую акаде-

мию кино и телевидения (DFFB) – ту самую, которую в свое время окончили Кристиан Петцольд и Ангела Шанелек. Именно там сложился его уникальный язык – созерцательный, нелинейный, намеренно сопротивляющийся нарративным ожиданиям.

Первый полнометражный фильм «Пусть лето не приходит больше» (2017) он снял на мобильный телефон Sony Ericsson W595 – тот самый, с которым не расстанется по сей день. Второй фильм «Что мы видим, когда смотрим на небо?» (2021) – волшебная история о любви под проклятием в древнем Кутаиси – вошел в основной конкурс Берлинале и получил приз международных критиков FIPRESCI.

Мир Коберидзе – слишком самобытный. И критики немедленно почувствовали уникальность его взгляда. Rotten Tomatoes собрал отзывы, в которых фигурировали формулировки вроде «заразительно обаятельный и прекрасно рассказанный» и «двухчасовой роман-симфония города, наполненный состраданием к персонажам, соседям и пространству». Британское издание назвало его подход «ленивой магией», которая «уходит корнями в немое кино, но ощущается как нечто свежее и подлинно оригинальное».

Третья полнометражная картина Александра «Сухой лист» (2025), снятая на тот же старый

«Заложники»

«Пересечение»

«Что мы видим, когда смотрим на небо?»

«Апрель»

«Дэдэ»

телефон, – дорожный фильм об отце, отправившемся искать пропавшую дочь по провинциальным футбольным полям Грузии. Мировая премьера состоялась в основном конкурсе 78-го кинофестиваля в Локарно, где фильм получил специальное упоминание жюри.

Variety написал о «Сухом листе» следующее: «Пиксельные изображения рассказывают пикантную историю – в этом причудливом и чудесном трехчасовом фильме Коберидзе играет в прятки с реальностью и памятью». К слову, параллельно с выходом картины режиссер объявил о следующем проекте – «Bilingual»: это романтическая детективная драма, вдохнов-

ленная альбомом Pet Shop Boys 1996 года, с двумя сюжетными линиями – одна во Франции, другая в Грузии. Немецко-французская копродукция уже финансово обеспечена, съемки планируются в ближайшее время.

УДИВИТЕЛЬНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

Вот такие имена, миры и особенности делают «новое грузинское кино» таким новым и таким грузинским. При этом некоторые киномены по-прежнему не принимают «новую волну» грузинского кинематографа, ностальгируя по старому и не «понимая» современного. Зачастую из-за открытости, смелости

и откровенности новых авторов.

Но если, не отрицая прекрасного прошлого, принять не менее чарующее настоящее, очевидно одно: сегодня мы наблюдаем поистине прелестное перерождение грузинского кино. Более того, оно на наших глазах формируется, но от этого не теряется его первоначальная уникальность. Ведь грузинское кино – это отдельная палитра эмоций, абсолютно новый мир и нерв, который редко найдешь в кинематографе других стран. Так что только нам решать, друзья: наблюдаем ли мы увядание великого грузинского кино или его удивительную реинкарнацию.

«АХ, КАК НЕ ХОЧЕТСЯ ПРОЩАТЬСЯ...»

В Тбилисском русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова почтили память Александра Цветкова – незаменимого грибоедовца, возглавлявшего постановочную часть театра более двадцати лет, инженера-механика, технолога сцены, поэта.

Вечер, названный строкой из его стихотворения – «Ах, как не хочется прощаться!» – подготовил и организовал Союз «Русский клуб».

Своими воспоминаниями со зрителями поделились актер, председатель правления «РК» Зураб Чипашвили, доктор мед. наук Иван Головинов, художники Аида Бабаджанова и Ирэна Оганджанова, режиссер Левон Узунян, общественный деятель Артэм Киракозов. Стихотворения прозвучали в исполнении Аполлона Кублашвили, а выступление Валерия Харютченко стало своего рода мини-спектаклем, в котором строки А. Цветкова, Н. Гумилева и самого Валерия соединились с музыкой.

В память дорогого друга звучали песни в исполнении Юлии

Андгуладзе, Анны Григ, Гоги Чкония, Роба Авадяева и Олега Мchedlishvili.

Вечер завершился впечатляющим видео, подготовленным Л. Узуняном, в котором стихи А. Цветкова в исполнении автора прозвучали в необычном и очень ярком обрамлении – музыкальном и иллюстративном.

По окончании каждый зритель получил в подарок новую книгу из знаменитой серии «РК» «Русские в Грузии», посвященную Александру Цветкову. Основную часть сборника составили стихотворения. А еще туда вошли воспоминания друзей, фотографии (часть – из семейного архива Цветковых, часть – предоставлена близкими) и его единственное интервью.

ТЕАТР МАРИОНЕТОК: ДЕТИЩЕ РЕЗО ГАБРИАДЗЕ СЕГОДНЯ

■ **Артем КОМАРОВ**

Знаменитый на весь мир театр кукол открылся в 1981 году в Тбилиси в старинном квартале на улице Шавтели. Именно там стоит небольшой дом с покосившейся башней. На первый взгляд, ничего особенного – ни парадного входа, ни мраморных колонн, ни постаментов. Совсем не так выглядят театры во многих мировых столицах. Но во всем мире театралы знают и любят именно это здание, выделяя среди многих. Ценители театра со стажем мечтают здесь очутиться снова и снова. Даже когда знаешь репертуар почти наизусть, ты все равно где-то в глубине души допускаешь мысль, что ничего не знаешь, и это понятно – ведь каждый раз спектакль рождается в твоём восприятии заново.

В Театре марионеток Резо Габриадзе всего 80 мест. Деревянные ярусы, как в старом амфитеатре, узкая сцена... Вот уже ровно 45 лет именно здесь свершается чудо, которое не укладывается в обычные рамки театрального искусства. На сце-

не – не просто спектакли. Это машина времени, которая нас переносит в прошлое, даруя возможность вспоминать лучшие моменты нашей жизни.

Девиз театра: «Пусть слезы у нас текут только от лука». Мудрый человек, Резо Габриадзе мог уберечь своего зрителя от плохого настроения и дурновкусия. Он был настоящим алхимиком действия. Как он дышал, как мыслил театр, ровно таким и стало его детище – свободным и независимым. Неслучайно одна из статей о Габриадзе названа «Пушкинидзе из города Кутаиси». Те, кто хоть немного знаком с биографией прославленного мастера, знают, что Габриадзе был родом из Кутаиси и на протяжении всей яркой жизни постоянно обращался к личности и творчеству Александра Сергеевича.

Резо Габриадзе ушел в 2021 году, но мир его спектаклей живет и поныне. Сын Лео (Леван) Габриадзе, став художественным руководителем Театра марионеток, не просто сохранил

репертуар. Он открыл двери во внутреннее пространство театра, создав две удивительных экскурсии, два театральные путешествия: «Искусство оставаться человеком» и «Машина времени и механизмы памяти», позволяющие взглянуть на театр по-новому: не как на музей одного гения, а как на живой инструмент, который учит нас быть людьми в тяжелые времена, когда сохранить в себе человека все сложнее.

С приходом Левана Габриадзе Театр марионеток стал лабораторией памяти. Экскурсии, которые идут на грузинском, русском и английском (на этих же языках идут и спектакли), превращают обычный поход в театр в целое действо – карнавал прекрасных вещей снов.

«Искусство оставаться человеком» проводит Чика (Тамар Амираджиби) – актриса театра, руководитель труппы, любимица мастера. На примере кукол она рассказывает нам о том, что дыхание, движение и прикосновение превращают дерево и ткань в живые существа. Это больше чем экскурсия, это мантра о заботе – о том, как театр

учит беречь вещи, кажущиеся на первый взгляд неодушевленными. Марионетка в подвешенном состоянии – аллюзия к нам самим. Мы тоже висим на нитях в разные моменты жизни – на нитях обстоятельств, памяти, событий. И только прикосновение пробудит в нас импульс к жизни, как в этих марионетках.

Второе путешествие – «Машина времени и механизмы памяти» – от актера Миши Барнова. Миша делится своими личными воспоминаниями, раскрывает скрытую механику кукольного театра – шарниры, нити, петли часов. Как он сам говорит, «театр предстает не как музей, а как живой организм, где прошлое сливается с настоящим, механизмы начинают дышать, а истории несут в себе тяжесть памяти». Память ведь как устроена – она структурна: в каждом суставе марионетки, в каждой застывшей позе со-

В сегодняшнем репертуаре театра только пять спектаклей, но зато каких! «Альфред и Виолетта», «Осень моей весны», «Сталинград», «Рамона», «Бриллиант маршала де Фантье». Суть этих кукольных спектаклей в том, что они никогда не были «детскими». Это поэтический театр, где марионетки плачут, влюбляются, воюют и умирают так, что зритель забывает о том, что театр (а следовательно, и марионетки) – понарошечные. Габриадзе использовал киноязык: крупные планы, панорамы, голоса известных актеров. Здесь оказывается важным каждый нюанс, а сложное трансформируется в простое. Детали гармонично уживаются друг с другом, не нарушая баланс естественного.

В 1981 году марионетки заговорили языком Резо Габриадзе. К тому времени режиссер устал от цензуры в мире кино. В голо-

стройке здания своими руками уже было заложено активное творческое начало. Габриадзе являлся истинным художественным руководителем – театральным богом в единственном лице.

Башня театра, построенная в 2010-2011 годах, напоминает нам, что она – живая. И это не фигура речи. Каждый час из башни выходит золотой ангел и бьет в колокол. Дважды в день – в полдень и в семь вечера – разыгрывается короткий спектакль «Круг жизни». Проходя мимо театра, невозможно не обратить внимания на это очарование.

В театре Габриадзе жива сама грузинская душа – печальная и веселая. Спектакли театра объездили полмира – им руководили Париж и Эдинбург, Нью-Йорк и Лондон, Москва и Авиньон, Санкт-Петербург и Сполето... Они покорили ми-

«Альфред и Виолетта»

крыта целая история. Посетители уходят с ощущением, будто побывали внутри волшебного часового механизма.

Миша говорит: «Память – это не прошлое, а механизм, который мы заводим каждый день». И с этим трудно поспорить.

Если вы хотите немного отдохнуть от привычной картины жизни, от непростой реальности – сходите на спектакли Театра Габриадзе, посетите экскурсии. И вы вернетесь другим человеком.

«Бриллиант маршала де Фантье»

ве мастера уже зрела отчаянная, как бунт, новая идея.

Он искал формы для воплощения своих планов и мечтаний, и идея театра кукол в этой связи смотрелась очень современно и колоритно. Габриадзе сам перестроил дом в старом Тбилиси. Каждую плитку на башне, каждый гвоздь, каждый цветовой оттенок – всеми делами он занимался сам, все делал своими руками и выдумывал тоже сам.

В строительстве театра, которого раньше не было, в по-

ровые театральные олимпы. И сегодня любой может увидеть спектакли Резо Габриадзе такими, какими их придумал и воплотил сам мастер.

Театр Габриадзе доказывает простую истину: куклы могут быть человечнее людей, потому что не боятся быть уязвимыми. Они честны в своей незащитности. И, оживая в руках актеров-волшебников, обретают подлинную красоту – ту, которой их наделил Резо Габриадзе.

Лука Берулава и Анастасия Метелкина. 2026

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ В ГРУЗИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

На зимних Олимпийских играх в Милане и чемпионате мира по фигурному катанию в Праге спортивная пара Лука Берулава и Анастасия Метелкина сотворила чудо, завоевав на этих представительных турнирах серебряные медали. Эти медали стали первыми наградами спортсменов Грузии в истории зимних Олимпиад и ЧМ по фигурному катанию среди взрослых.

На Олимпиаде в Пекине сборная Грузии разделила пятое-шестое места с Китаем: по техническим параметрам КНР было присуждено пятое место, а Грузии – шестое. В Милане наша сборная превзошла свое достижение в Пекине, заняв четвертое место, удивив весь мир и обрадовав всю Грузию.

Первым делом уделим наше внимание паре Берулава-Метелкина, их блестящим результатам: в 2026 году они стали чемпионами Европы, вице-чемпионами Олимпиады и ЧМ.

В перерыве между Миланом и Прагой Л. Берулава и А. Метелкина, как и другие члены сборной, посетили Тбилиси для участия в церемонии награждения государственными наградами фигуристов, тренеров и руководителей Федерации фигурного

катания Грузии. Церемония состоялась 9 марта в администрации президента Грузии. Перед собравшимися выступили президент Михаил Кавелашвили, премьер-министр Иракий Кобахидзе, председатель парламента Шалва Папуашвили, министр спорта Шалва Гоголадзе, президент НОК Грузии Лери Хабелов и другие.

Особо была отмечена роль Мариам Гиоргобиани в развитии и успехах фигурного катания Грузии в последние 15 лет. В молодости Мариам была фигуристой, но из-за травмы вынуждена была прекратить карьеру. С 2011 года она возглавляет ФФКГ. Мариам эффективно организовала работу по поиску юных талантов как в Грузии, так и за рубежом – среди спортсменов, родившихся в других странах, но имеющих грузинские корни, связи с Грузией.

Один из них – 23-летний Лука Берулава. Он родился 27 ноября 2002 года в Москве в семье выходцев из Грузии: его родители, бабушки и дедушки до 1993 года жили в Сухуми. За последние годы я несколько раз общался с Лукой – как вживую в Тбилиси, так и по интернету, когда он находился в других странах. В нашей беседе 9 марта он сказал: «Я

всю жизнь в фигурном катании, занимаюсь им с трехлетнего возраста, профессионально все время посвятил фигурному катанию и рад этому. А сейчас мы с Анастасией готовимся к чемпионату мира, который состоится в Праге». – «Какие цели вы ставите перед собой?» – спросил я у Луки. Ответ был исчерпывающим: «Мы будем бороться за золотые медали». – «А Настя знает об этом?» – в шутку уточнил я. Лука ответил мгновенно: «Так именно она мне и сказала, что пришло время бороться за золото».

В то время его ответ можно было расценить как юношеский максимализм, ведь мы знали, что после блестящего выступления на Олимпиаде в Милане Лука и Настя не тренировались десять дней из-за ее травмы. И все-таки они сумели восстановить форму, наверстать упущенное и отлично подготовиться к чемпионату в Праге. Да, они не завоевали золотые медали, но, став вице-чемпионами мира, вошли в историю фигурного катания Грузии и спорта нашей страны.

После Праги Лука сказал, что после напряженного и насыщенного спортивного сезона настало время для отдыха, и добавил: «Еще несколько лет я не наме-

рен завершать карьеру фигуриста».

В своих публичных выступлениях Лука всегда подчеркивает роль деда, Тариэла Берулава, в его становлении как личности и как человека, любящего Грузию. А я был знаком с Тариэлом еще по родному Сухуми: в середине и конце 1980-х годов он работал в системе «Интуриста», а я как молодой журналист и преподаватель истории (в школах города и действовавшем тогда в Сухуми Грузинском институте субтропического хозяйства) часто общался с работниками «Интуриста» и туристами, в том числе и с Тариэлом, и сохранил о нем самые добрые воспоминания.

С 2019 года Лука выступает под флагом Грузии: в 2020-21 гг. – с Алиной Бутаевой, завоевав в 2020 году бронзу юношеских Олимпийских игр; в 2021-2022 гг. – в паре с Кариной Сафиной, став призером ряда международных турниров и завоевав лицензию на Олимпиаду-2022 в Пекине, где пара заняла девятое место. С 2023 года Лука выступает в паре с А. Метелкиной. Они тренируются в основном в Перми под руководством опытных специалистов Павла Слюсаренко и Егора Зароева.

Хотелось бы сказать пару слов и о других фигуристах, представлявших в 2026 году Грузию на международных соревнованиях. Анастасия Губанова, которая с 2021 года выступает за Грузию, на Олимпиаде-2026 заняла 9-е место в одиночных женских соревнованиях, побив рекорд Элене Гедеванишвили и свой же: Гедеванишвили в 2006-м и Губанова в 2022-м заняли десятые места на зимних Олимпийских играх. В 2023 году А. Губанова стала первой в истории Грузии чемпионкой Европы, а в 2024-2025 годах она дважды стала серебряным призером чемпионата Европы.

Всего на Олимпиаде-2026 за Грузию выступали 8 спортсменов – 6 фигуристов и 2 горнолыжника. В фигурном катании нашу страну также представляла пара Диана Дэвис (дочь легендарного тренера Этери Тутберидзе, Диана родилась в США) и Глеб Смолкин (уроженец Санкт-Петербурга, сын известного актера Бориса Смолкина) – они заняли 13-е место в Милане, а на чемпионате мира в Праге – десятое. Ника

Эгадзе на Олимпиаде в одиночном мужском соревновании занял десятое место, в Праге – 11-е, а до этого стал чемпионом Европы в Таллинне. Нику в последние годы тренирует Этери Тутберидзе. Вообще следует отметить ее большую роль в поддержке фигурного катания Грузии.

Результаты и качество выступлений фигуристов Грузии в Милане и Праге получили высокую оценку специалистов. Первый вице-президент НОК Грузии Элгуджа Беришвили в нашей беседе привел слова президента Европейских олимпийских комитетов Спироса Капралоса, который отметил, что «Грузия должна гордиться тем, что сумела завоевать серебряные медали на зимней Олимпиаде». «Есть немало стран, которые больше Грузии и по численности населения, и по количеству спортсменов и арен в зимних видах спорта, но они ни разу не сумели получить медаль в зимних олимпиадах, а Грузия смогла это сделать», – добавил от себя Беришвили.

Мариам Гиоргобиани заявила, что гордится выступлениями фигуристов Грузии: «Наши фигуристы достойно и красиво представили Грузию на спортивных форумах. Хочу поблагодарить самих фигуристов, их тренеров, всех тех, кто участвовал в процессе их подготовки, поблагодарить НОК Грузии и министерство спорта за помощь в подготовке к международным турнирам и Олимпиаде», – отметила она. А президент НОКГ Лери Хабелов в беседе с автором этих строк сказал: «Еще до Олимпиады 2026 года я везде говорил, что у Грузии есть реальная возможность завоевать первую в истории страны медаль на зимних Олимпийских играх, указывая, что именно Лука Берулава и Анастасия Метелкина имеют такие шансы. Очень рад тому, что мои и наши надежды оправдались. Поздравляю Грузию с этим большим достижением».

Думаю, нашим читателям будет небезынтересен и небольшой экскурс в историю фигурного катания в Грузии.

Первые турниры прошли в конце 1950-х и в начале 1960-х в Бакуриани и Тбилиси. Основание школы фигурного катания в Грузии во многом связано с именем выдающегося тренера Эдуарда Плинера. По его инициативе и

благодаря поддержке тогдашнего первого секретаря ЦК КП Грузии Василия Мжаванадзе в Тбилиси в 1964 году открылся первый каток, появились первые секции и имели место первые успехи.

В мае 2016 года президент ФФК Грузии М. Гиоргобиани организовала приезд в Тбилиси проживавшего тогда в США Эдуарда Плинера. Он не бывал в Грузии 50 лет. Его приезд стал важным событием.

Следует выделить работу тренера Валентины Ретивых – она продолжила дело, начатое Э.Г. Плинером, воспитав плеяду успешных фигуристов и тренеров. Необходимо указать на многолетнюю плодотворную деятельность тренеров Тенгиза Ханишвили, Лейлы Долидзе и Ираклия Джапаридзе, которые воспитали несколько поколений фигуристов.

Среди юношей-фигуристов тогда выделялись Нодар Сараджишвили, Тенгиз Ханишвили, Гия Иашвили (впоследствии судья международной категории, первый рефери международной категории в зимних видах спорта), Ираклий Джапаридзе, Рафаэль Арутюнян (с 2000 года живет и работает в США, несколько раз удостоен звания лучшего тренера США), Теймураз Ломадзе, Юрий Кукуладзе, Онисе Рухадзе, Георгий Шанкулашвили (работает тренером в США), Алик Шамкулашвили, Михаил Сихарулидзе,

А. Метелкина, М. Гиоргобиани и Л. Берулава. 2026

Нико Мамукашвили и другие. А среди девушек – Гиули Тавадзе (Абдулова), Тамрико Анджапаридзе (Джикия), Марина Беришвили, Марина Джаиани (дочь заслуженного мастера спорта по спортивной гимнастике Сергея Джаиани), Ирина Архангельская (дочь олимпийской чемпионки Мзии Джугели), сестры Нана и Марина Джанелидзе, Дареджан Харшиладзе, Тамар Мжаванадзе и другие.

Особо следует отметить успехи Марины Церцвадзе и Лии Габелая. Марина дважды становилась обладателем Кубка СССР, победителем и призером ряда всесоюзных и международных турниров, а Лия (последние 26 лет она живет во Франции) была серебряным призером Кубка СССР, бронзовым призером чемпионата СССР, бронзовым призером международных соревнований в Риге и победителем международного турнира «Золотой пируэт» в Загребе.

В 1975 году победителем Кубка СССР среди юниоров стал Михаил Сихарулидзе, он же занял второе место в чемпионате ЦСКА. Кстати, в 1998-2002 гг. он был президентом ФФК Грузии.

Следует отметить выступления Инги Гилаури: в 1976 году она стала бронзовым призером Кубка СССР, а в 1980-х добилась больших успехов в конькобежном спорте – была многократным призером чемпионатов СССР, Спартакиады народов

Диана Дэвис и Глеб Смолкин

СССР, чемпионом СССР среди общества «Динамо» и удостоена звания мастера спорта международного класса по конькобежному спорту.

В 1989 году была создана Ассоциация фигурного катания Грузии, с 1992 года она стала членом Международного союза конькобежцев ISU, и с тех пор спортсмены Грузии участвуют в турнирах, чемпионатах, форумах, проводимых ISU. С 2011 года Ассоциация была преобразована в Федерацию фигурного катания Грузии. М. Гиоргобиани возглавляла Ассоциацию с декабря 2010 года, а затем возглавила Федерацию и несколько раз подряд была переизбрана ее президентом.

Конечно, особый стимул популяризации фигурного катания в Грузии дало успешное появление в 2000-х годах на международной арене Елены Гедеванишвили: в 2010 и 2012 годах она дважды завоевала бронзовые медали на ЧЕ, представляла нашу страну на Олимпийских играх 2006, 2010 и 2014 годов (на Олимпиаде-2006 заняла 10-е место). На ЧМ 2009, 2011 и 2012 гг. Елена занимала 10-е место. Она стала первой грузинской фигуристкой, которая смогла выиграть этап Гран-при среди юниоров (в Таллинне в 2005 году) и впервые в истории Грузии получила право представлять нашу страну в финале Гран-при среди юниоров (Словакия, 2005), заняв в итоге седьмое место на этом представительном международном турнире.

Следует вспомнить о Вахтанге Мурванидзе, который в 1996-2005 годах выступал на ЧЕ, ЧМ и Олимпийских играх, а в 1997

году стал серебряным призером Европейского юношеского олимпийского фестиваля (в последние годы живет в США). Немалых успехов добился Бесо Цинцадзе, ставший первым фигуристом Грузии, который в 1993-1995 годах представлял нашу страну как независимое государство на ЧМ и ЧЕ (с 1995 года живет в США, последние 25 лет успешно работает тренером по катанию в хоккейных клубах, как тренер два раза завоевал в НХЛ Кубок Стэнли).

Нельзя не назвать Торнике Туквадзе – первого фигуриста из Грузии, который в 2000 году представлял нашу страну как независимое государство на юниорском ЧМ в соревнованиях по спортивным танцам. А также Отара Джапаридзе и Эллисон Рид – их выступление на зимних Олимпийских играх в 2010 году стало первым в истории независимой Грузии олимпийским выступлением танцевальной пары.

Особо следует отметить достижения Саломе Чигогидзе – первой фигуристки, представлявшей независимую Грузию на ЧЕ (в 1998-1999 годах). В 2004 году она получила звание арбитра международной категории, а затем и самую высокую категорию – судья международной категории ISU. В марте 2026 года С. Чигогидзе была награждена орденом Чести. Этого же ордена удостоена и Мариам Гиоргобиани, которая в последние годы сыграла решающую роль в организации успехов наших фигуристов.

Ника Эгадзе и Тенгиз Пачкория

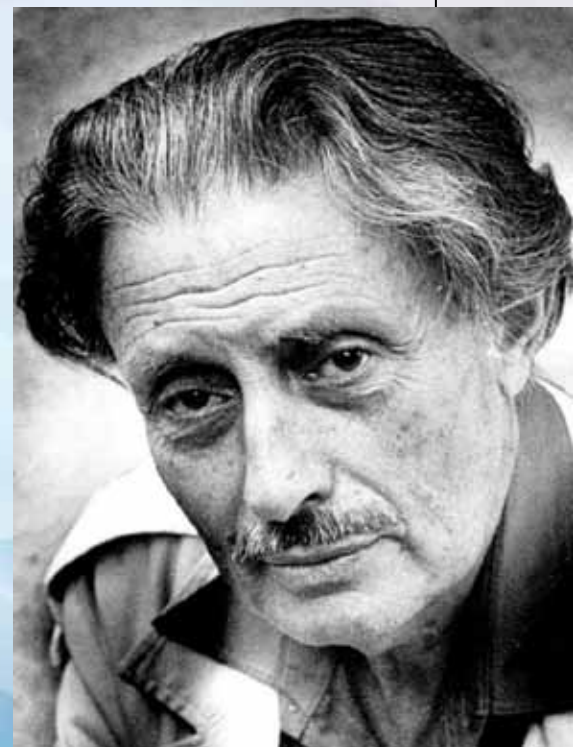
ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ИЗ КАКОЙ ЕРУНДЫ РОЖДАЮТСЯ ИНЫЕ СТРОКИ...

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

Копался в своем архиве и обнаружил переводы замечательного поэта Натана Баазова, представителя знаменитой семьи Баазовых, сына известного грузино-еврейского писателя Герцеля Баазова, репрессированного в 1938 году. С Натаном мы тесно сотрудничали в мою бытность редактором грузинской «Молодежки», а впоследствии «Вечерки». Баазова – не только поэта, но и переводчика, лауреата различных премий, в том числе премии комсомола Грузии, Государственной премии Грузии, можно было без преувеличения назвать трудоголиком от поэзии. В 1994 году, когда и произошла описываемая история, Натан был обуреваем новым желанием – издать антологию поэтов разных стран мира, и настойчиво шел к намеченной цели. Однажды он пришел ко мне и пожаловался, что у него уже есть переводы на русский язык стихотворений английских, французских, немецких, польских, болгарских и других зарубежных поэтов, но нет, увы, ни одного перевода с греческого. В этом и состояла суть просьбы Баазова ко мне как к этническому греку: найти ему подстрочник стихотворений какого-нибудь греческого автора. Я не придавал особого значения этой просьбе и легкомысленно пообещал ее выполнить. Об этом необдуманном поступке вскоре пришлось горько пожалеть. Через несколько дней Баазов пришел и напомнил о моем обещании, потом стал приходить регулярно, чуть ли не каждый день. Увы, предложить Баазову мне было нечего. Все известные мне греческие по-

эты были давным-давно переведены на русский язык, причем переведены прекрасными авторами, и мне ничего другого не оставалось, как водить своего приятеля-переводчика за нос, бессовестно откладывая выполнение данного ему обещания. Увы, надежды на то, что Баазову рано или поздно надоест меня донимать, не оправдались. Надо было предпринимать что-то более радикальное. И вот однажды, запершись в кабинете и велев секретарше никого ко мне не впускать, я решил написать «подстрочники» греческих стихотворений для Баазова... сам. Уж не знаю, как это пришло мне в голову, но идея показалась спасительной. Итак, за дело! Какие темы для «подстрочников» мог выбрать весной 1994 года в Грузии редактор столичной газеты и отец трехлетней дочери? Только что закончилась кровопролитная война в Абхазии, столкнувшая друг с другом два некогда братских, как принято было тогда говорить, народа, – это раз. Пришел вечером домой и не сумел принять горячей душ, т.к. в стране полная разруха, газ отключен, горячей воды нет – это два. Ну и, конечно, самое яркое впечатление – дочь, малышка, девочка, только-только открывающая для себя новый мир: соседей, очереди в магазине за хлебом, двор за окном, мальчиков и девочек во дворе, – это три. Мало-вато? Нужно еще? Пожалуйста! И вот на листочке с «подстрочниками» появляется еще один персонаж – Хока, наше, семейное, вымышленное, но чуть ли не ежедневно появляющееся в квартире существо: «Съешь,

доченька, кашку, иначе появится Хока и все съест сам», «Не ходи, детка, на улицу, а то придет Хока, захочет с тобой поиграть, а тебя не будет дома» и т.д. Словом, через час или полтора «подстрочники» были готовы. Теперь предстояло придумать автора и дать ему имя и фамилию. Кто это будет? Ну, конечно, это должен быть совсем молодой человек с именем новым, общественности неизвестным. Всех мало-мальски известных поэтов Баазов знал поименно. Наверное, это должна быть девушка, помнящая свое детство, быть может, уроженка Абхазии, близко к сердцу принимающая происходящие

Натан Баазов

там драматические события. Так появилась на свет 16-летняя поэтесса из Сухуми Анетта Диамантопуло (Нетта – имя моей дочери, фамилией Диамантопуло я иногда подписывал свои материалы в греческой печати), пишущая стихотворения на греческом языке. Как писали позднее газеты, представляя читателям юную поэтессу, после начала боевых действий в Абхазии она вместе с родителями вначале переехала в Тбилиси, затем отправилась в Грецию, где ее следы, увы, окончательно затерялись. Сколько же ей сейчас могло быть лет? Ведь уже тридцать с лишним годков пролетело с той поры.

На другой день с чувством немало облегчения я передал «подстрочники» Натану Баазову, а еще дней через десять уже сам Баазов пришел ко мне в редакцию и положил на стол в готовом виде произведения Анетты Диамантопуло, созданные на основе этих «подстрочников». И сейчас, перечитывая написанное, я прихожу к выводу, что сделал он это очень даже недурственно. Впоследствии стихи несуществующей гречанки были опубликованы во многих газетах в Грузии и за рубежом, вошли в антологию стихотворных переводов Натана Баазова, который ушел из жизни, так и не узнав о том, что стал объектом небольшой дружеской мистификации, за что я, увы, задним числом приношу ему свои извинения.

Читателю, разумеется, не терпится узнать: а стоила ли игра свеч? И какую стихотворную продукцию сумел «соорудить» из моих «подстрочников» серьезный поэт Натан Баазов? Что ж, спешу удовлетворить ваше любопытство, дорогие друзья, и предлагаю взглянуть на подборку стихотворений Анетты Диамантопуло. Подборка взята из выходившей в те годы газеты «Закавказские военные ведомости».

РАЗРЫВ

Сидели люди за одним столом
и друг за друга чаши поднимали.
Клялись друг другу в дружбе, а потом
встречались на бульваре – понимали
друг друга с полуслова. И они
стреляют ныне... Целятся друг в друга!
Откуда же пришли такие дни?
От горя содрогаются округа...
Кровь застилает взоры. Темнота
день нынешний и прошлый разделила.
Любовь сгорает в гневе. Нет, не та
людские души наполняет сила.
Волна морская камешки добра
с собой уносит в мрачные пучины...
Что делать в этом мире мне? Пора
пришла невзгод, и не понять причины!
В рукопожатьи вновь соединить
хочу я всех. Но где же ваши руки?!
И в общем недоверьи рвется нить
любых моих попыток... Что за муки!
Но почему нормальные слова
в них не находят должного ответа?
Я ж искренна. Я разве не права,
желая жизни солнечного света?
Хочу, чтоб возвратилась к нам весна,
чтоб не были коварны наши цели,
чтоб пробудился мир от злого сна,
чтоб люди за поступки не краснели.
Чтоб наш разрыв в забвенье отошел,
чтоб добрые слова звучали наши,
чтоб сели снова мы за общий стол
и подняли приветственные чаши!

ХОКА

Старый Хока с седой бородой с чердака
по трубе водосточной без всякой опаски
слез и – в форточку, в комнату. Из уголка
спящей девочке начал рассказывать сказки.
А девчушка спала, улыбаясь во сне.
Снились мама ей, папа. Веселые птицы
щебетали на ветках, внимая весне.
Вдаль тянулись и трав, и цветов вереницы.
«Хока, Хока, – подумала девочка, – ты
не сердитый, не страшный. Как все домовые,
ты заботлив и добр. И не жди темноты,
чтоб спуститься ко мне. Появившись впервые,
от меня не беги ты на пыльный чердак.
К маме, к папе моим относись без опаски.
Если очень устал, в уголочке приляг:
отдохнешь – и расскажешь мне новые сказки.
И не жди, чтоб уснула, ведь я не боюсь, –
пусть отныне меня не пугают тобою.
Приходи же почаще – порою люблюю.
Мы – друзья! Мы с тобой заключаем союз!

ИГРА

Хочу я тоже на площадку,
где мальчики играют в мяч.

Я утром сделаю зарядку –
и за мячом помчусь я вскачь...
Упруг он, и прыгуч, и звонок,
летает он над головой.
Но я – не маленький ребенок.
«Сыграйте, мальчики, со мной!»
Смеются мальчики: «Малышка,
будь осторожна, как бы мяч
не угодил в тебя. Ты слишком
мала еще, поднимешь плач».
«Я не расплачусь. Нет, ребята,
не плачу я. Лишь иногда
грущу, когда у нас котята
одни бывают... Ведь беда:
они одни порой часами,
одни – пока их кошка-мать,
лениво шевеля усами,
во двор уходит погулять.
И слезы катятся невольно,
мне жаль котят... Но я не вру:
мне от мяча не станет больно.
Примите, мальчики, в игру!»

ГОРЯЧАЯ ВОДА

Мама воду вскипятила,
Пьем мы чай. А в чае – сила.
«Вода, горячая вода...
Ей в доме нашем быть всегда!»
Из песка леплю котлету,
булку, торт. И пишу эту
кукле дам. Сгребу я в грудку
нашу грязную посуду.
Нет воды горячей! Странно:
лишь холодная – из крана.
Холодна, как из колодца.
Значит, снова греть придется.
«Вода, горячая вода,
ты в доме нашем будь всегда!»
Вот пришел с работы папа,
душ хотел принять. Покапал
кран холодный в нашей ванной.
Так бывает постоянно...
Что сказать о папе нашем?
Холод храброму не страшен!
«Вода, горячая вода,
ты все же будь у нас всегда!»
То ли утро, то ли вечер,
но одни и те же речи:
мыться, мыться, не иначе.
В кране ж нет воды горячей!
«Вода, горячая вода,
прошу я – будь у нас всегда!»
Папа был в командировке.
Мне подарки и обновки
он привез. С большой удачей
съездил он: водой горячей
мылся там! Делюсь секретом:
папа щедрым стал при этом!
«Вода, горячая вода,
будь в нашем доме, будь всегда!»

ДЖУМБЕР ЛЕЖАВА

— Омар ШУДРА

В Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии в Тбилиси покоится прах известного велопутешественника, многократного рекордсмена Книги рекордов Гиннеса, лауреата Госпремии Грузии, обладателя звания «Рыцарь спорта» и других высоких наград Джумбера Лежава.

А начинался его славный путь так. 1972 год. Высотный корпус ТГУ. Академик АН СССР, ректор ТГУ Илья Векуа, благодаря своему авторитету, приобрел для созданного им Института прикладной математики ТГУ несколько больших ЭВМ, среди них – самую редкую в те годы и самую мощную в стране БЭСМ-6. Я работал с БЭСМ-4, когда в огромном, двухэтажном зале БЭСМ-6 появился очень энергичный, любознательный молодой инженер, всегда с доброжелательной улыбкой на лице. Это был Джумбер Лежава.

Человек я замкнутый, интроверт, но, благодаря общительности Джумбера, мы вскоре стали хорошими товарищами. Через год он пригласил меня к себе в дом – благо жил близко, на улице Кавтарадзе. Теплая, дружелюбная семья, две до-

чери. В неспешном разговоре за угощением мне поведали о многом... Родители Джумбера умерли рано. В школьные годы вместе с друзьями он обошел всю Хевсурети, а позже – на мотороллере – объехал и всю Грузию. Затем поступил в Академию ВМФ в Ленинграде, но увлекся модной тогда кибернетикой и перешел в московскую «Бауманку». Через два года вернулся в Тбилиси, когда в ГПИ открыли специальность по вычислительным машинам. Его приняли прямо на второй курс...

В эти годы Джумбер, за-

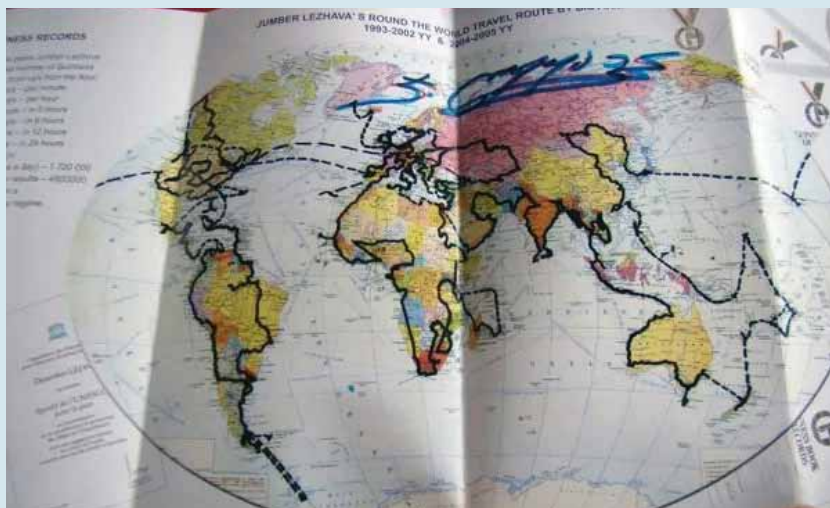
ядный турист, тренировался у монастыря Джвари. объездил на мотоцикле весь Советский Союз.

Из Института прикладной математики ТГУ активного инженера перевели в министерство, в те годы оно называлось Миннауки. Помню, Джумбер оформил диссертацию по IT-тематике.

Дочери вышли замуж. Но... умерла жена. Он остался один. От стресса и переживаний опять обратился к спорту – начал готовиться к покорению Ушбы (Верхняя Сванетия).

В 1987 году, после очеред-

მედიკოსი
დაწვრილი

ნოი ტრენინგის (დღივ ბეგალ უ ოზერა ლისი), რაზგორაჩენნი, ონ ზაშელ ვ სერნიუ ბანუ. პარალიჩ კიშოკ პრეველ კ შტრაშნიუ დიაგნოზუ – განგრენა. ვრაცი პოსლე ნოჩნი ოპერაციი გოთვილი ლეჟავა... კ მორგუ. ობ ოთმ ივ სლუ-

კრუგოსვეთნიუ პუტეშევიე ნა ველოსიპედე. ვ ტეჩენიე 9 ლეტ პობეველ ბოლესე ჩემ ვ 200 შტრანოხ (დვაჯდვი ვ ანტარკტიკე), სნიალ დო 50 ტყასოქ ფოტო- კინოკადროვ, 200 ჩაოხ ვიდეომატერიალა, სოზდალ დნევიკ ვ 7 ტყასოქ შტრანიც,

პედ. უიმა პოსეტიტელე, ჩაშტე ტელეფონნიე ზვონკი... ზა ლეგოქი პერეგოროდკოი ონ უშტრილ სებე «სპალნიუ» – ინოგდა ნოჩეველ თამ.

ოგრომნი მატერიალი ნუჯდალსე ვ ობრაბოტკე, პომოშნიკოხ, ფინანსოხ.

დჯუმბერუ სამოთუ პრეშლოსე ორგანიზოვოქ ივდანიე ჟურნალა «მოგზაური» («პუტეშევიენიკ»). ვუპუსტილ ნესოქოქ ინტერესნიე, იარკო ოფორმლენნიე ნომეროვ. ვ რეგიონოხ რეალიზოვეველ სამ. ნო «ბიზნესი» ნე სოსოთეაქსე – ოდი უბეტიკი.

დჯუმბერ დავიდივიჩ ბეღ უჟე ვ ვოზრასე – 74 გოდა. ნე ტე სილყ: 25 ლეტ ბეღ ზენე, სმერტი შტარშეი დოჩერი, მიზერნიე ზარპლათა ვ გპი, პიტალსე კოე-კაკ... ვ ოტკროვენნიე ბესედაოხ იე ჩუვსოვოვალ, ჩო ეთუ ნე ოსილეტი გრუზ ოგრომნი არქივიანი მატერიალა. ნო ონ პო-პრეჟნემუ უპრონო დეღილსე ბოლშეი ნოვიე პლანი: სობირალსე, კაჟეტსე, ვ... ანტარკტიკუ.

ჩერეზ გოდ, ლეტო 2014 გოდა, პოსლე ნესლოჟნი ოპერაციი ონ სკონჩალსე ოტ ინსულტა.

ჰორონილი სლავნი გოსო გრუზინსკო ნაროდა ვ დიდუბეისკო პანთეონე. ნა ეგო მოგილე ჩერეზ გოდ ოდნოკურსნიკი უსტანოვილი კრასივი მაკეტ ველოსიპედა, ვ ეგო რაბოჩეი კომნატე ოტკროვილ მუზეი.

ვ ტბილისი, ოკოლო ჰრამა ივერსკოი იკონე ბოჟეი მატერი, ოდა ივ ოლიც ნაზვანა ეგო იმენემ..

ჩაიანი ტელეფონნი გოვოროვო ივზნალ გლავნიი ჰირურგ გოროდა. იე ოთო სპასლო დჯუმბერა ოტ ვერნიი სმერტი. ვ რეზულტატე დვაოქ ოპერაციი ეთუ ვრეზალსე დო ჩეტყრეხ მეტროვ კიშოკ.

დრუგოი ნა ვსო ზიშნი ოსტალსე ბე ინვალიდომ. ა 45-ლეთნი დჯუმბერ რაზრაბოტალ სოვიე სისტემუ უპრაჟნენიე კ ჩერეზ ნესოქოქ ლეტ უსტანოვილ რეღ მიროვი რეკორდოვ პო ოტკიმანიუ ოტ პოლა.

ვ ავგუსტე 1993 გოდა, ვ 54 გოდა, დჯუმბერ ოტპრავილსე ვ

უსტანოვილ ეშე ნესოქოქ მიროვი რეკორდოვ...

ონ პრიობრელ მიროვიუ სლავუ. ვ გრუზიი ბეღ ნაზვან «ჩელოვეკომ გოდა» (2002). პოსლე ვოვრავშენიე ვ ტბილისი ეთუ ვდეღილი რაბოჩუ კომნატუ ვ გპი, დელი ბოლშუი კვარტირუ. ნო ნიკაოქი «ზვეზდნი ბეღნი» უ ეგო ნე პოევილსე – დჯუმბერ ოსტალსე თაკიმ ჟე ვნიმატელნიე თოვარიშემ.

ვ ეგო რაბოჩეი კომნატე ბეღე იე ჩაშტო. ონა ბეღა ზავალენა კობოქოხ, რუკოსიე. თამ ჟე სოთელ ლეგენდარნი ველოსი-

«Грета, страница 89»

СЕРДЦА И СУДЬБЫ

■ **Нина МАЗУР**

В сердце Восточной Сербии, в междуречье Черного и Белого Тимка, лежит древний город Заечар. Над развалинами дворца римского императора Гая Галерия Валерия Максимиана – высокая синева балканского неба; отшумели битвы и пиры, бездна времени пролегла между III и XXI веками. Изменилось все, но стала ли другой природа человека?

Думается об этом на спектаклях фестиваля малых театральных форм, который уже 9-й год проводится в Заечаре государственным театром Края Тимок (директор Владимир Джуричич). Фестиваль был задуман как региональный, но притяжение между частями бывшей Югославии никуда не делось, оказавшись сильнее войн, и в программе появились участники из Монтенегро и Боснии, Косово и Македонии...

Какие особенности отличают «южнославянский» (назовем его так, ибо страны Югославии уже нет на карте мира) театральный стиль? На мой взгляд, их две. Первая: отчетливое тяготение к реалистической манере игры; система Станиславского здесь кажется неподвластной времени и моде. Вторая: актеры и режиссеры, вне зависимости от их возраста, черпают вдохновение в национальных истоках: их интересуют характеры, обычаи, традиции, история народа.

Внимательно всматриваются творцы этого театра в ментальные особенности обитателей своей «малой родины»; важно все: диалект, юмор, манера речи, свойства характера, выкованные в преодолении трудностей – личных и общих. При всех различиях эти народы объединяет нечто неизмеримо большее, чем кровные узы. Что это? Общее небо? Громады гор? Историческая судьба?..

Но вернемся к спектаклям.

Комедия «Нови-Сад против Белграда» в стиле стендап повествует о знакомстве и развитии отношений между двумя людьми среднего возраста. Он – из Нови-Сада, она – из Белграда. У каждого за плечами – брак, дети, потери и травмы. У них различные взгляды на жизнь, диалекты, менталитет; отличаются даже сексуальные привычки. Возможна ли в таком случае совместная жизнь? Супруги-актеры Даниэла Танаскович и Александр Гаин играют, в сущности, биографию собственного брака. Играют смело и откровенно до дерзости; порой излишне смело, смущая зрителей. Есть ли надежда на новую любовь после развода? Ответ предлагается найти самостоятельно.

Театр из Суботицы по своему интерпретировал ко-

медию немецкого драматурга Лутца Хюбнера «Грета, страница 89». Актриса, играющая Гретхен (Сузана Вукович), репетирует сцену из «Фауста» Гете с различными режиссерами, которые сменяют друг друга. Всех их играет один актер – Милош Станкович; разные режиссерские манеры, разные человеческие типы, поданные в сатирическом ключе. Смешно? Да. Узнаваемо? Вполне. «Бедная актриса, как она это выдерживает», – думаете вы. Но вот и актриса трансформируется в провинциальную «диву», командуемую режиссером. Она чувствует себя звездой и, кажется, имеет для этого очень мало оснований. Иронический взгляд на театр, тем не менее, содержит в себе некое тепло и надежду. Похоже, создатели спектакля любят свою профессию со всеми ее клише, особенностями и проблемами.

Актер Велизар Касалица из Черногории привез на фестиваль монодраму «Первая любовь» (тем, кто сейчас вспомнил тургеневский шедевр, сразу скажем, что это просто совпадение названий). Автор текста – Янко Елич, а режиссура, драматизация, сценография и костюмы осуществлены Милошем Латиновичем. Бесхитрый рассказ о судьбе парня, который из черногорского села второй половины XX века с его традиционным укладом попадает в индустриальный город, ве-

дется от первого лица. Наивный и простодушный юноша в этом новом для него мире встречает свою первую и, как оказалось, единственную любовь. И молодой мужчина, оглядываясь назад, понимает, что это и была самая главная ценность в его жизни.

Жемчужина сербской литературы, книга Бранко Чопича «Сад цвета мальвы» послужила основой для моноспектакля Небойши Миловановича, поставленного Эгоном Савиним. И актер, и режиссер принадлежат к столичному театральному бомонду. Спектакль решен в популярном для моножанра стиле «story-telling»; драматичный внутренний мир писателя раскрывается через его поэтические высказывания, а кадры хроники и архивные фото на экране усиливают ощущение документальности. Статичность как режиссерский прием («пришел и говорю») дает двойной результат: с одной стороны, дает возможность всмотреться в «крупный план», а с другой – создает ощущение «лекции» на заданную тему. Что ж, масштаб темы это позволяет...

Никола Тесла, гордость Сербии, гениальный ученый, опередивший свое время, увиден в спектакле «Искра» глазами его матери, Георгины Джуки Тесла (1822-1892). Столичная актриса Майя Колунджия-Зоро (режиссер Деян Цицимович,

Белград) не случайно получила приз публики; ее героиня сложна в своей простоте. Чувства матери, доживающей век вдаль от сына... Тоска и надежда... Драгоценные крупы воспоминаний... Рутинные заботы, помогающие выжить... И что с того, что сын – гений? Одиночество от этого не становится легче. Или становится?..

Театр Восточного Сараево привез на фестиваль адаптацию «Эмигрантов» Славомира Мрожека в постановке Зорана Тодоровича. Заменяя одного из двух персонажей-мужчин на женщину, создатели спектакля полностью изменили расстановку акцентов. Получилась другая история – не столь жесткая и трагичная, как у Мрожека, с меньшей внутренней мотивацией. Мария Новакович и Милан Димич добросовестно отыгрывают текст, в котором трудно угадать Мрожека. Название спектакля «42 (Равновесие однозначного ангела)» не добавляет ясности в происходящее. Ну, по крайней мере, все живы, и слава Богу.

«Мороженое» – какое «вкусное» название! И спектакль театра из Ниша тоже «вкусный». Режиссер Спасо Милованович взял для постановки текст Миро Гаврана – и не ошибся. Замечательная история отношений матери и дочери длиною в жизнь – узнаваемая, трогательная и честная – разворачивается в ан-

«Первая любовь»

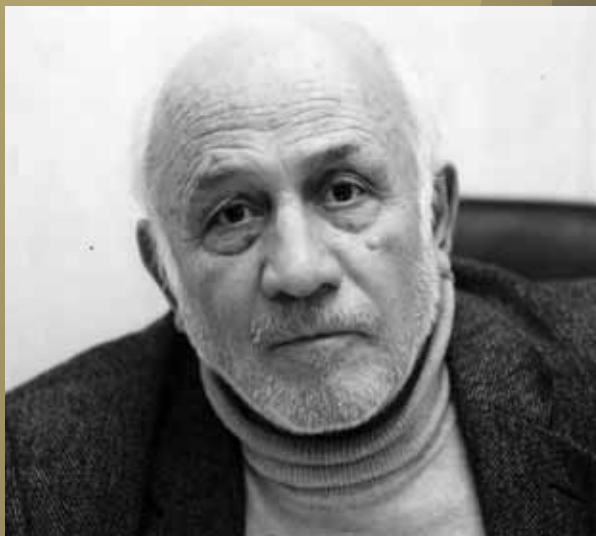
тураже кафе-мороженого, которое героини систематически посещают. Дочь взрослеет, мать стареет – все как полагается. Притяжение-отталкивание, привязанность-непонимание... И сквозь все коллизии – любовь. И смерть... Пикантности спектаклю добавляет факт, что прекрасные актрисы Ивана Недович и Надя Недович-Текиндер – действительно мать и дочь. Лучшим спектаклем фестиваля жюри назвало именно «Мороженое», и зал встретил аплодисментами это решение.

А лучшим актером фестиваля стал Александр Димитриевич, молодой белградский актер, сыгравший моноспектакль «Ревнив? Я?!» по мотивам драмы Миодрага Караджича. 70-е годы прошлого века. В черногорском селе живет человек, несущий нелегкое бремя: жена у него – красавица. Ну как ее не ревновать! Ситуация трагикомична. Супруги любят друг друга, и повода для ревности, в сущности, нет. Но жена слишком хороша собой... Неподдельная нежность к жене и борьба с самим собой... Как талантливо, с добрым юмором и подлинностью чувств проживает актер жизненные перипетии и душевные муки своего героя! И мы понимаем: этот человек счастлив, ибо он любит всем сердцем, и его любовь взаимна.

Об этом – весь фестиваль: о человеческом сердце.

«42»

СЛЕД ЖИЗНИ

— Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Похоже, я выпал из жанра, и моя коллекция «житейского антиквариата» вместо янтаря и яшмы стала пополняться галькой и щебнем...

Но жизненный путь — не выстриженный газон и не вылизанный паркет, а впечатления простодушного детства всегда ярче впечатлений настороженной зрелости. Не случайно мудрый Фазиль назвал раннюю пору мальчишеской жизни — время счастливых находок.

Для меня оно закончилось в марте 1956 года.

За пережитой трагедией долго тянулся тягостный след.

Власти настолько напугало то, чем обернулось безобидное поначалу скопление людей, что они посягнули на святая святых тбилисской жизни — вольное фланерство... Теперь стоило тбилисскому аборигену, вальяжно шествующему со случайным спутником по любимому проспекту, задержаться на пару минут, припоминая подробности минувшего матча, или встретив давнего приятеля, как тут же возле них вырастал милиционер и монотонно гугнил: «Проходим, граждане! Проходим! Не ска-

пливаться! Не скапливаться!» Бесцеремонное посягательство на устоявшийся уклад вызвало недовольство, но пикировки с милиционерами гасли, не разгораясь: память о пережитом сдерживала обе стороны.

Последним отголоском трагического марта стал визит в Тбилиси «дорогого Никиты Сергеевича».

Визит был официальный и немножко родственник — Хрущев с Мжаванадзе, тогдашним главой Грузии, были знакомы еще по работе в Киеве.

После трагического марта минуло шесть лет, боль затихла, шрамы затянулись, Мжаванадзе расстарался, и визит прошел без сучка-задоринки.

Гость остался доволен. Доволен настолько, что после одного из банкетов изрек, благодушно осклабясь: «Вот уж кому не грозит продовольственный кризис, так это грузинам — с вашими приправами гвозди можно есть!..»

Однако тбилисцы все-таки посчитались с Хрущевым. И сделали это артистично — потбилисски.

В те годы на левобережье, в районе проспекта Плеханова, жил известный всему городу даун Кика. Скорее всего, его звали Ника, но дауновская дикция исказила имя, превратив Нику в Кику. Его родители как могли ухаживали за сыном: всегда опрятный, умытый и при-

чесанный, Кика ходил по улицам левобережья характерной дауновской походкой, нетвердо семеня, и то и дело беззлобно задирали прохожих. Его не обижали, скорее баловали, и если ему случалось вымараться купленным кем-то мороженым или томатом, намазанным поверх кебаба, всегда находилась добрая душа, старательно вытиравшая щекастую мордашу и приговаривающая: «Кика не пачкуля... Кика у нас чистенький...»

Итак, ходил по городу втиснутый в штаны толстый Кика, курносый, блондинистый, с крутым загривком, и никто не замечал, что на расстоянии метров в тридцать, так сказать, на среднем плане, он смахивает на новоявленного главу государства. Этого не замечали до злополучного визита. Обнаружив же сходство, тбилисские шутники решили его усугубить: навесили Кике на грудь гирлянду из хризантем, дали в руку летнюю шляпу, и Кика сделался, как две капли, похож на Хрущева из кинохроники о поездке в Индию. Ему не хватало Булганина под бок, но найти благообразного старика с бородкой клинышком не удалось. Творческие трудности заставили остряков с левобережья поднапрячься: в результате они разыскали раритетный кабриолет, усадили в него Кику и велели помахать шляпой. Результат превзошел ожидания. Народ на тротуарах сбегался азартней, чем в Джайпуре и Дели, и радостней хлопал в ладоши.

Милиция не знала, как быть: задерживать дауна было глупо, он ничего не нарушал; к тому же задержание могло обернуться соучастием. Похоже, что кому-то в милиции нравилась двусмысленность ситуации...

Жаль, что уморительный перформанс состоялся после отъезда «дорогого Никиты Сергеевича», и ему не довелось встретиться в городе со своим милым двойником.

ПЕРВОКУРСНИК ТГУ

Нас было шестеро на курсе. Остальные в аудитории были девушки. Можно сказать — мы учились под сенью девушек в цвету. Ибо поступили на филологический факультет, и большая

аудитория с окнами на зоопарк походила на цветущую оранжевую. Это сходство усиливалось ко второму семестру, когда осень сменялась мокрым снегом и дождями, зверинец под холмом безмолвствовал, а мы, поглядывая на наших однокурсников, заодно набирались знаний – под сенью девушек в цвету.

Но раз в месяц нас одолевала потребность вырваться из оранжевой на волю. Как правило, это желание совпадало с получением стипендии. «День полочки» – так назывался уморительный фильм Чарли Чаплина, который мы пародировали в очереди у кассы. Потребность в перемене обстановки была так сильна, что, выманив из оранжевой, гнала нас дальше в старый город, на неопрятную Колхозную, где мы обнаружили смачную хинкальную с советским дизайном в минималистском стиле.

Из Ваке до Колхозной площади тогда ходил трамвай. Его остановка располагалась на противоположной стороне, недалеко от подвалов старого винного завода. Мы шли туда – гуляки, предвкушающие удовольствие.

Визуальной доминантой нашей пятерки был Гарри Галустов. Высокий, чуть не на голову выше остальных, с покатыми плечами и загадочной ухмылкой на смуглой физиономии, он важно выступал, заложив руки за спину, и изредка ронял невнятные реплики, к которым мы невольно прислушивались.

Звуковой доминантой пятерки был Валерий Бабуадзе. Его раскатистый хохот, брызжащий здоровьем и молодостью, заставлял прохожих завистливо оглянуться, а жемчуга зубов были созданы для рекламы дантистских фирм. На бездуховном Западе наш Валерий заработал бы на зубах кучу денег, но он был советский студент и даром осыпал нас своими жемчугами.

Противоположной Валерию повадкой отличался Нугзар Цховребов. Близорукий, с сильными диоптриями очков, он улыбался своим мыслям и удачным репликам попутчиков и изредка вставлял словцо-другое, всегда уместное и остроумное.

С годами Нугзар станет видным филологом, доктором наук, первым исследователем прозы

своего земляка, лучшего писателя русского зарубежья Гайто Газданова.

Иногда к нам подключался Руслан Намитоков, приехавший с Северного Кавказа. Руслана отличали сдержанное немногословие и мужественная деликатность. Эти свойства восхищали меня и позже, в поездках по Северному Кавказу – прекрасный атавизм, которому вряд ли суждено выжить в болтливой цивилизации. Мальчишеская травма лишила Руслана кисти левой руки, а спортивный азарт привел на фехтовальную дорожку, где он весьма преуспел: мы с ним поступили в университет по привилегированному спортивному списку.

Руслан придавал нашей пятерке особый характер, сказать проще – облагораживал.

Я замыкал пятерку. Затрудняюсь со стороны охарактеризовать себя, а потому обозначусь параметрами: брюнет девятнадцати лет, рост 175, вес 75. Через пару лет, уже в Москве, злоязычный однокурсник назовет меня «суперменчик»; уменьшительный суффикс позабавит точностью.

Похоже, уже в ту пору из меня проклеывался начинающий литератор; к такому выводу приводит необъяснимый случай: однажды в университетской аудитории меня разыскал режиссер тбилисского телевидения и попросил написать несколько диалогов к чеховскому рассказу, который он экранизировал. Я оторопел от такого предложения, но воздержался. Возникнуть оно могло как отголосок наших вечеров в кабинете русской литературы: я вел эти вечера и иногда читал там свои опусы.

Поначалу я не оговорился: в оранжевой филфака нас было шестеро ребят. В точности, как в хоккейной песне про «великолепную пятерку и вратаря». Нашу пятерку не назвать великолепной, шестой же – вратарь – попросту игнорировал нас. Если же присмотреться повнимательней, был приколот булавкой к твидовой юбке своей пассии – бывшей одноклассницы, нынешней однокурсницы и будущей супруги. По таковой причине не помню ни имени его, ни фамилии – худощавый, конопатый, рыже-

ватый, кудреватый. Его неделя полонина запомнилась большим белым лицом и длинными прямыми волосами. А вот фрагмент сочиненного им задорного стишка застрял в мозгу:

*Я стены вышибу лбом
Назло пословице всякой,
В любом помещенье, любом,
Непробиваемых нету – враки!
Не потому, что лоб крепок,
И не потому, что стена
Сложена из канцелярских
скрепок,*

Пусть будет каменная она!

Подозреваю, что эти строки автор записал «лесенкой» Владимир Владимировича...

Чудеса, да и только! Вглядываясь в след жизни, не перестаю удивляться сумасбродству памяти!

Но не забуду, что однажды она пошла мне навстречу и через пропасть лет вернула запах боярышника, цветущего на пригорке в нашем саду в мае 1945-го.

...Итак, мы загружались в трамвай. Позвякивая и вихляясь на поворотах, он доставлял нас к месту назначения – туда, где Пушкинская улица переходила в улицу Бараташвили (что и говорить: грузины любят поэзию и чтут поэтов). На стыке улиц, под резными балконами старого города и остатками городской стены ютилась вожделенная хинкальная. Пожалуй, она уступала хинкальной «на Вельяминовской», у Горсовета, но та была слишком популярна и многолюдна. Про «Вельяминовскую» ходила байка: якобы к ее владельцу (а она уже в те годы слыла частной) направили чиновника Горсовета с предложением перебраться куда-нибудь, все-таки злчному заведению не место возле органа советской власти: «Укажи любую точку в городе, и мы построим тебе там новую хинкальную». На что хозяин хинкальной якобы ответил: «Укажи любую точку в городе, и я построю вам новый Горсовет, только оставь меня там, где меня знает весь Тбилиси...».

Наши студенческие загулы не отличались чрезмерностью: два блюда с хинкали, дочерна обсыпленные перцем – по двадцать штук на брата, две бутылки водки и бочковое пиво «от пуза» в знаменитых «мухинских» кружках

толстого стекла. Единственный раз мы добавили водку сверх нормы, когда в год 1500-летия Тбилиси на Сололакской горе открыли монумент «Мать Грузии»: не всем из нас он пришелся по вкусу, но выпили дружно.

Из хинкальной, мимо бывшей семинарии, ныне музея искусств, выходили на знаменитый проспект. Когда-то Каменский, друг Маяковского, так выразил свое впечатление от нашего проспекта: «Мы бродили по Головинскому, окруженные горами сверкающей молодости». В пору моего тбилисского студенчества Головинский (проспект Руставели) еще соответствовал впечатлению знаменитого футуриста, но с годами груды сверкающей молодости потускнели...

Однако нам еще досталось кое-что от былого: во всяком случае, уклон проспекта, тянущегося вдоль Святой горы, оставался неизменным – 4°; а наш Валерий Бабуадзе уверял, что, в соответствии с новейшими исследованиями, это самый удобный уклон для человеческой стопы – и в гору, и под гору. Вот почему прогулка по Руставели доставляет неизъяснимое удовольствие, в чем ему уступают и Невский с Крещатиком, и Тверская: два первых утомительно плоские, а Тверская слишком крута...

Валерий присочинял и другие подробности, иногда столь забавные, что сам раздражался хохотом, на который оборачивались прохожие, и на их лицах вспыхивали удивление и зависть.

Тогда на проспекте еще не было бюста Мераба Мамардашвили, любовно вылепленного Неизвестным; в Александровском саду росли дубы и вязы, а на задах Кашуэтской церкви в зарослях сирени прятался неудачный Гоголь, унылый и насупленный. Замена великого сатирика Собчаком, питерским либералом, возглавившим комиссию по расследованию трагедии 9 апреля, обошлась без протестных демонстраций, к которым уже тогда стал привыкать все видевший Тбилиси.

Гораздо чаще хинкальной на Колхозной я посещал Публичку. Она располагалась неподалеку,

в здании бывшего Дворянского банка, построенного в старогрузинском стиле. Там, в глубине подвала, отведенного под курилку, в табачном чаду разгорались философские и политические споры, в которые я не вступал, поскольку спорили пожилые дядьки и бородатые мужики.

Свое место я нашел в просторном читательском зале с зелеными лампами на столах. Зал был погружен в благоговейную тишину, лишь иногда нарушаемую шорохом, доносившимся от конторки, за которой хлопотали сотрудницы библиотеки: там посетителю выдавались поступавшие из недр книгохранилища затребованные раритеты или пожелтевшие от времени подшивки газет.

За длинным столом под зеленой лампой оказались уместны выписанные мной «Первобытная культура» Тэйлора, «Работа и ритм» Бюхера, «Грузинский язык» Марра, социология Плеханова и Кропоткина и десяток другой серьезных работ, авторов коих не упомяну. Словом, на первом курсе ТГУ, точнее – в Республиканской публичной библиотеке я заложил фундамент своего образования, небрежно достроенного впоследствии.

Художественная литература в читальном зале не читалась; беллетристика желала tête-à-tête.

В те годы я сроднился с двухтомником Толстого «Избранные повести и рассказы». И сейчас помню аспидно-черные тома с тисненным по ободку орнаментом, суровую правду «Севастопольских рассказов», бесподобных «Казачков»; а «Записки маркера» я даже проштудировал, подчеркнув все словечки и обороты, характеризующие социальный статус рассказчика.

С тех пор люблю нежную тургеневскую «Асю» и «Первую любовь» и перечитываю «Записки охотника» с изумительной финальной кодой, названной просто «Лес и степь».

До спазма сострадания разбредили «Шинель» и «Бедные люди»; «Преступление и наказание» замучило ночными кошмарами, а уже знакомый по школе «Герой нашего времени» оказался книгой не только прекрасной, но и сложно выстроенной: каждая ее глава открывала но-

вые грани гения. Последнюю из глав – «Тамань» – Чехов считал лучшей прозой, написанной по-русски.

Из европейцев особо впечатлил Стендаль: и сегодня «Красное и черное» считаю одной из вершин мировой романистики.

У Бальзака больше его знаменитых романов понравились «Кузен Понс» и «Кузина Бетта» и, разумеется, «Шагреневая кожа». Что до «Отца Горио», то такой длины монолог, каким разразился Горио, мог уморить кого угодно... Таким умозаключением я поделился с пятеркой завсегдаев хинкальной, и они согласились со мной, а Валерий Бабуадзе расхохотался и изрек: «Да ты, старик, вовсе не дурак».

С англичанами вышла накладка: непонятно откуда мне попался никому в ту пору неведомый Лоренс Стерн, удививший изящно-парадоксальным юмором. Но Диккенса я прозевал и всю жизнь сожалел об этом, ибо нет лучшего чтения для подростка, как тихони, так и шалопая, чем добрый Диккенс. В утешение с годами я сделался завсегдаем «Пиквикского клуба».

До немцев в те годы не дошел или не дорос. Фолкнер с Хэмом не добрались до нас, а трогательно чистый «Кролик, беги!» только зарождался в подкорке юного Апдайка...

В ту пору память еще хранила детские впечатления от сказаний и сказок, и я дивился, каким образом наивные тексты так свежо доносили атмосферу страны происхождения, запах и ритм быта, сушь и влагу воздуха. Так при чтении «1001 ночи» у меня на зубах хрустел раскаленный песок Дамаска, и глазам было больно от избытка солнца; сказки братьев Grimm увлажняли лоб балтийской моросью, на грубых бременских мостовых оскользались непривычные деревянные башмаки, а ветер «Манаса» содрогал войлочные юрты и, выравшись на простор, трепал чашечки маков в предгорьях Тянь-Шаня и Ала-Тоо...

Из прохладной дали русских сказок доносился овейный ландышами пасхальный перезвон, а грузинские сказки пахли деревянной давилей и сложной в ней кукурузной соломой...

Лидия Николаевна Григорьева родилась в 1945 году на Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, среднюю школу закончила в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы жила в Москве, занималась литературным трудом «на вольных хлебах». В 1980-х годах была автором и ведущей литературных программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. В 1990-е годы совместно с российским телевидением создала телефильмы «Цветаева в Лондоне», «Гумилев в Лондоне», «Скрябин в Лондоне», «Сны Веры Павловны» и др. Автор многих поэтических книг и двух романов стиха: «Круг общения» и «Русская жена английского джентльмена». Лауреат нескольких литературных премий. Создатель синтетических, пограничных с поэзией жанров: «Фото-поэзия» и «Кино-поэма».

Новая книга стихов «Фантом Любви», по мнению жюри ярмарки Нонфикшен-25, была названа в числе лучших поэтических книг. Новая кино-поэма Лидии Григорьевой «Ангелы Света» стала арт-событием на кинофестивале SIFFA-2025 в Лондоне.

Автор трехтомника короткой прозы «Термитник – роман в штрихах» (2020-2025), который был объявлен некоторыми критиками «мега романом» и «энциклопедией современной постсоветской жизни».

В 2025 году Лидия Григорьева стала лауреатом Всемирной организации писателей WOW-25, получив Золотую медаль «За огонь русского сло-

ва, сохраненный в каждой строке и подаренный миру».

С 1994 года живет в Москве и Лондоне.

Вдова поэта Равиля Бухараева. Вместе с ним принимала участие в международных фестивалях поэзии в Грузии, организованных Николаем Свентицким и «Русским клубом».

Для подборки в журнале Лидия Григорьева отобрала стихи из будущей книги «Вирус любви», которую готовит к изданию.

«С ПРИВЫЧНОЙ НЕЖНОСТЬЮ ПОМИНАЯ...»

■ **Лидия ГРИГОРЬЕВА**

ЛЕПЕСТКОВАЯ ВЬЮГА

*Гению коммуникабельности
Николаю Свентицкому*

От лепестковой вьюги в глазах двоится.
Давно уже Грузия – заграница.
И грусть, и тоска тут не излишни,
Внутри цветущей японской вишни.
И догоняет меня досада:
Зачем все это?

Выходя из лондонского цветущего сада,
Ищу ответа.

С привычной нежностью поминая
Незабываемого Николая.
Держателя дружеского монолита.
Когда было пространство любовью сшито,
И скреплено, как печатью... Казалось,
На его энергии все держалось.
В Лондоне вновь лепестковая вьюга.
А я вспоминаю всемирного друга.
И через годы память продлится
Великого русского и тбилисца.
Эта моя стихотворная мантра
Любимцу поэзии и театра.
И что запомнилось мне особо:
Жизнь его – вечная Тбилисоба.

16 апреля 2026
Лондон

ОБЛАКО

Справиться с душевной неполадкой
Мне мешало, словно в горле ком,
Облако с багровою подкладкой
И почти кровавым ободком.

От воздушных ветряных течений
Вдруг пахнуло холодом и льдом.
И благословенный свет вечерний
К нам пробился с видимым трудом.

И слова молитвы покаянной
Не над полем битвы ль раздались.
Облако с подкладкою багряной
Уплывает в ледяную высь.

31 марта 2026

НАВЕЧЕРИЕ

Для души моей лечение,
Счастье неохватное,
Это птичье навечерие –
Пенье предзакатное.

Эти трели да рулады,
Наполняют сад.
Полноценная услада
После всех надсад.

После пагубных смятений,
Гибельных страстей,
Посреди военных бдений,
Страшных новостей.

На закате, то и дело,
Слышу без конца
Птиц, поющих а капелла,
Славящих Творца.
8 апреля 2026

ВЕНЕЦ ВДОВЫ

Равилю Бухараеву
Ты, в неведомой дали,
Неподсуден для молвы.
Во дворце твоей любви
Я живу в венце вдовы.
Проживаю, не боясь
Ни погрома, ни суда.
Потому что наша связь
Не прервется никогда.
Жизнь посильную творя,
Шлю молитву на амвон.
С января до января
Поминальный длится звон.
Золотая ткань стихов.
Слов алмазная канва.
Сны любви – без берегов.
Вот и все мои права.
Я в душевной глубине
Обретаю целый мир,
Потому что ты во мне
Растворился, как эфир:
То есть, воздух, то есть, газ,
То есть, химия в крови.
Раз приговорили нас
К нескончаемой любви.
Впереди небесный град.
Чаша жизни на весах.
Может есть среди наград
Наша встреча в небесах.
1 апреля 2026

МЕЛКИЙ ЖЕМЧУГ ПОЦЕЛУЯ

Вот опять пошли дожди.
Отряхнись, и подожди
Под садовой аркой.
Иль под аватаркой!

Дождь прошел, нас не балуя.
Он вполне умело
Мелкий жемчуг поцелуя
Рассыпал по телу.

Почему же стало жарко,
Хоть промокло платье?
Кто-то ждал меня под аркой
И раскрыл объятия.
15 апреля 2026

ТАУЭР

Есть места, где плохая погода всегда.
Это там, где, по воле власти,
Совершались пытки и казни.
Там, казалось, навеки природа мертва.
Но и там прорастает трава.
Расцветают цветы без опаски.
И моргают «анютины глазки».
26 марта 2026

СИТИ

Вздымается город вокруг,
как гряда неопознанных гор.
А ты тут живешь до сих пор,
И это тебе поделом.
Опять за обломом облом,
За обвалом обвал.
На горной тропе под ступнею
Крошится скала, словно это песок.
И город опасен, прекрасен, высок.
Вершины ушли в облака
И победно сверкают, слепя.
А вот и лавина уже догоняет тебя.
27 марта 2026
Лондон

Бедные мышки. За ними охотятся лисы.
Бедные лисы. За ними охотятся псы.
Бедные люди. За ними охотимся мы.
Бедные птицы. Им попросту негде летать.
Бедное небо. Его уже впору латать.
6 февраля 2026

Мы поедем в Одессу, в круиз.
Помолись, помолись, помолись.

Мы в Карпаты поедем, ну да.
Только б вот отступила беда.

Этот мрак отряхнем, словно прах,
Раз никто никому тут не враг.

Мы поедем, поедем с тобой,
В пир чумной поиграем с судьбой.

Ты куда? И ответит любой:
На убой, на убой, на убой.
22 марта 2026

МОТЫЛЬКИ

Полетал и был таков,
Рассчитал свою глассаду.
Мотыльковая любовь,
Мельтешащая по саду.

Будоражит нервы вновь
Лучезарная беспечность.
Быстротечная любовь,
Без претензии на вечность.
1 апреля 2026

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Вот ветер весенний сбивается с ног –
Цветением сад запорошен.
А любит – не любит... Да просто не смог
Осилить любовную ношу.

Не всякий из нас этот жар перевозмог:
Ожог запредельного зноя.
Ничем не обидел. Да просто не смог
Сполна воплотиться в героя

История вышла из берегов,
И в пламени страсти окрепла.
Затем, чтоб осталась лишь горстка стихов,
Как горстка летучего пепла.
18 марта 2026

ОРДЕН БАБОЧКИ

В пору розовой влюбленности
Разлилось в саду сиянье...
Бремя неопределенности
Предвещало расставанье.

Только радость безобманная
С той поры со мной осталась.
Сада роскошь безустанная
Множилась и разрасталась.

Глянуть в прошлое, но сняв очки,
Как светло и окрыленно
Здесь вручили Орден бабочки
Мне – коленопреклоненно.

День и ночь над нами ласково
Все сияло и лучилось.
И придется верить на слово,
Что все это приключилось...
24 февраля 2026

СПИРАЛЬ

Ангел словно плывет по небу,
Волны, как облака.
И струится ему на потребу
Звездная вдаль река.

Как Божественная улика –
Или дорога в рай –
Небо свернуто как улитка –
Раковина и спираль.

Не видать до какого входа
Ангельский путь пролег.
Это Божья уже забота,
Нам она невдомек.
14 марта 2026

ПОДРУГЕ

Без выгоды, наживы,
Но с пламенем в крови,
Давай, пока мы живы,
Напишем о любви!

Любовь, как мимолетность,
Или во весь размах.
Благая очередность
Для жизни в небесах.

Не подавая вида,
Любить, парить, летать!
Такая вот планида.
Такая благодать.
9 марта 2026

Прекрасный день очередной.
Искрится снег.
И мне не страшно быть одной,
Одной из всех.

Вот дней проходит череда,
Как бы во сне.
И если горе – не беда,
То мне – вполне.
5 декабря 2025

ПРОГУЛКА

Пока я вышла, солнце село
Сошла тумана пелена.
Скажи, кому какое дело,
Что я пожизненно одна?
Покуда я одна гуляю,
Без всевозможных рандеву,
Я этот мир благословляю.
И удивляюсь, что живу.
17 февраля 2026

ЛЮБИТЬ ДЕЛОМ И ИСТИНОЙ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

■ Митрополит Анания ДЖАПАРИДЗЕ

Перевод: Владимир ДОЛИДЗЕ, Натела ХУРЦИЛАВА

Продолжение

VII ВЕК

Грузинская церковь свою юрисдикцию осуществляла по всей Грузии. В VII в. церковная служба всюду проходила на грузинском языке, кроме Тао и части Кларджети, где по воле персидских властей в начале VI в. грузинский язык в церковной службе был заменен на армянский. О единстве грузинской церкви свидетельствует единый стиль церковных сооружений в Западной и Восточной Грузии. Об этом единстве постоянно и убедительно говорят «Картлис Цховреба», «Мокцеваи Картлисаи» и другие источники того времени. Политическое единение страны основывалось на этническом единстве ее народа. Во всей Грузии, от Эгрисисцкали до Эрети включительно, жил единый грузинский народ. Западная и Восточная Грузия в IV-VI вв. назывались «Вся Картли».

Конец VI в. и начало VII в. были эпохой возрождения грузинского государства после времен Вахтанга Горгасали, восстановления и расцвета грузинских общественных институтов, но поход цезаря Геракла не дал стране окончательно встать на ноги.

В 630-е годы Геракл, захватив Черноморское побережье Грузии, присоединил его

к Византии. Таким образом, ко времени нашествия арабов грузинское государство уже было разгромлено Гераклом. Фактически арабы уже не застали Грузию как цельную политическую единицу.

Геракла страшило возрождение государства Грузии (Картли), так как на Кавказе оно всегда соперничало с Римской и Византийской империями. Поэтому он жестоко расправился с нашей страной. В Грузии Геракл в церквях умерщвлял христиан – «реками текла кровь в церквях».

Иным было отношение Геракла к армянской церкви (по некоторым источникам, он был армянином по происхождению). Благодаря своей гибкой политике армянская церковь VII в. стала приемлемой для Византии, и император, победивший Персию, заключил с ней договор о единстве веры – т.н. Унию.

После похода Геракла армянская церковь вновь вернулась к халкидонству и стала претендовать на верховенство над грузинской и албанской церквями. Руководители грузинской церкви были вынуждены обратиться к Антиохийской патриархии с просьбой, чтобы

ни одна соседняя церковь не смогла предъявить ей претензии на главенствование над ней. К этому времени состоялся VI Вселенский Собор.

Собор состоялся в Константинополе в 680-681 гг. По «Картлис Цховреба», Собор рассмотрел вопрос о грузинской церкви, присвоив ее главе титул патриарха. Собор рассмотрел также вопрос о границах территориальной автокефалии грузинской церкви и подтвердил ее право освящать мирро на месте, в Грузии. Согласно «Картлис Цховреба», в юрисдикцию грузинской церкви входил весь Кавказ (православная паства как Северного, так и Южного Кавказа).

Таким образом, единая патриархия Грузии образовалась в VII в. и просуществовала до середины VIII в.

VIII ВЕК

В начале VIII в., вследствие нашествия арабов, Грузинское государство находилось в весьма тяжелом состоянии. При таком положении дел грузинская церковь не могла противостоять насилию существующих в стране чужеродных церквей. Армянская церковь вновь попыталась включить Южную

Грузию в сферу своего влияния. Однако после того как в 726-м году на Манаскертском Соборе она окончательно и решительно отвергла как монофелитство, так и халкидонство и отказалась от связи с византийской церковью, Грузинская церковь, как верный защитник халкидонства, разорвала всякие отношения с ней.

VIII в. является столетием освобождения грузинской культуры. Политическое положение в стране остается все еще сложным, но избавление от влияния армянской церкви было настолько важным для духовной жизни народа, что за ним последовало возрождение культуры. В последующие столетия уже беспрепятственно обогащается духовная сокровищница грузинской церкви. К этому же периоду относится и подвижничество святых мучеников – Або Тбилели (помин. 7 января), аргветских князей Давида и Константина (помин. 20 марта), замученных арабами.

По грузинским историческим источникам, Грузия IV-VIII вв. называлась Картли. Она имела твердо установленные границы с соседними государствами. В границах Картли находились: на западе – Эгриси, на востоке – Эрети (Гэрети), а на юге – Тухарисская крепость и Кларджети.

Следовательно, под словом «Картли» в тот период подразумевалась вся Грузия, и поэтому картлийский католикосат со времен основания, т.е. с IV в., свою юрисдикцию распространял не только на Восточную, но и на Западную Грузию. Грузинская церковь свои полномочия осуществляла по всей Грузии со дня возникновения.

В 80-90-е годы VIII в. грузинское царство распалось на три части: Абхазети, Картли и Кахет-Эрети. Если до этого термином «Картли» обозначалась вся Грузия, с этих пор Западная Грузия называлась уже «Абхазети».

Раньше «Абхазети» – это была территория за рекой Клисури (ныне – Келасури), подчинявшаяся Византии. В VIII в. «страна за Клисури» – Абхазия (Абхазети) – освободилась от византийского господства. Абхазского эристава (владельца князя) Леона I женили на

Гурандухт, дочери царя Картли – Мира, у которой не было братьев. Западная Грузия, как часть Картли, была вотчиной Гурандухт, которой она правила рукой Леона I.

С образованием в Западной Грузии независимого Абхазского царства образовалась и самостоятельная церковная административная единица, что соответствовало церковным канонам. Абхазский католикосат сформировался как одна из административных частей (митрополия) единой Грузинской церкви. К тому времени Грузинская церковь состояла из двух митрополий, то есть из двух католикосатов. В дальнейшем к ним добавился Хундзский католикосат (он объединял паству и епископаты Северного Кавказа и северо-западной части сегодняшнего Азербайджана).

Итак, с VIII в. в грузинской церкви существуют уже два католикосата – абхазский и картлийский. Из двух католикосов в VIII-XVI вв. сан верховного католикос-патриарха вся Грузия носил католикос Картли. А в XVII в. и в первой половине XVIII в. этот сан (верховный католикос-патриарх вся Грузия) носил католикос Абхазии ввиду того, что Восточная Грузия оказалась под управлением мусульман.

В 730-х гг. по Южной Грузии огнем и мечом прошелся арабский завоеватель Мурван («Кру» – Глухой – так его называли за то, что он не слушал жалоб на учиненные им зверства). После его ухода в Кларджети восстановили Опизский монастырь. Итак, восстановление монастырской жизни в Южной Грузии началось еще до прихода Григола Ханцтели. Святой Григол же создал целую эпоху в монастырской жизни Тао-Кларджети. Развернулось широкое монастырское строительство. Св. Григол основал мужские монастыри в Ханцта и Шатберди, а женские – в Мере и Гунатле.

Ученики св. Григола основали множество монастырей. Особенно следует отметить возрождение на древней грузинской земле Тао Ишханского монастыря, основанного в VII в. изгнанным халкидонским католикосом армянской церкви Нерсом, который был грузином по происхождению. Начали строить монастыри в Баретелта, Цкаростава и Недзви. В Западной Грузии св. Григол основал Убисский монастырь. Примерно через 50 лет после его прибытия в Кларджети, св. Григола поставили архимандритом тамошней церкви. Для своих монастырей

Монастырь Хандзта

он использовал типикон Иерусалимского монастыря св. Саввы. Св. Григор составил гимнографический сборник – годовой месяцеслов.

Чтобы яснее показать тогдашнее положение грузинской церкви, следует вспомнить еще один факт: в течение целого века спокойствие греческой церкви нарушалось иконоборцами. Поклонение иконам было объявлено идолопоклонством и гонимо византийскими цезарями и духовенством.

Нередки были случаи тюремного заключения и даже смертной казни. В это время грузинская церковь единственная хранила древние правила и не отказывалась от иконопочтения. Связь с Константинополем разорвала и Крымская Готия. По греческим источникам, рукоположение готского епископа состоялось в Мцхета, в Иберии.

IX-X ВЕК

Грузия в IX-X вв. в основном была освобождена от арабских и других захватчиков, что дало ей возможность создать собственные государственные единицы – царства Абхазия, Тао-Кларджети и Кахет-Эрети. За этим последовало возрождение национальной культуры.

М. Сабинин. Мученики Давид и Константин, князья Арагветские. 1882

Церковь св. Або Тбилели

Появляются новые церковные писатели: отец Иоанэ Минчи – из Западной Грузии, Эпифан Ханцтели, Макарий Лутетели – Ханцтели-Сабацминдели, Басили Ханцтели, Георгий Мерчуле, Микаэл Модрекили, Иованэ Мтбевари, Эзра, Иованэ Конкозидзе, Курданаи Квирикэ.

В это время создаются гимнографические памятники – сборники, песнопения, ирмосы. Гимны создают Самоэл Мгалобели, Давид Гареджели, Иованэ Минчи, Стефанэ Чкондидели, Иоанэ Болнели, Гиорги Сабацминдели-Синели, Иоанэ Зосиме, Филипэ Бетлемели. В Палестине создаются гимнографические сборники, годовые месяцесловы и др.

Развивается и расцветает грузинский язык.

Как сказано выше, в это время формируются два католикосата (митрополии) грузинской церкви – Абхазский и Картлийский. В 830 г. грузинский царь Баграт Курапалат придал более высокий статус главе Абхазской церковно-административной единицы – присвоил ему сан католикоса. Таким образом, официально был создан Абхазский католикосат, и царь направил в Абхазию католикоса. Создание абхазского католикосата определило необходимость решения вопроса о мире. Существовали два пути – католикос Абхазии

сам мог освящать мирро или же получать его от другой, вышестоящей, церкви. По сообщению Ефрема Мцире, начиная с V в., мирро освящалось в Грузии. Гиорги Мерчуле в «Житии Григола Ханцтели» пишет, что новообразованный католикосат Абхазии мирро завозил из Иерусалима, а позже, по решению иерусалимского патриарха, из картлийского католикосата, так как с древних времен Западная Грузия мыслилась частью Картли: «... а Картли именуется обширная страна, в которой всякое богослужение и молебен проводится на грузинском языке», – пишет Гиорги Мерчуле. Таким образом, в Абхазском католикосате церковная служба осуществлялась только на грузинском языке вплоть до 20-х годов XIX в., когда этот католикосат был упразднен Священным Синодом русской православной церкви.

В царствование Баграта III в 978 г. Грузия объединилась, и было восстановлено царство Иберии, или Картли. Воссоединение Грузии в единое государство было обусловлено внутренним стремлением грузинского народа и ростом национального самосознания.

Продолжение следует

«МНЕ НЕ НАПЛЕВАТЬ!»

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

Наш собеседник – Сергей Юшкевич, заслуженный артист РФ, актер московского театра «Современник» с 1999 года.

– Больше 25 лет вы служите в театре «Современник». Из них около десяти лет не получали новых ролей. Не потому ли, что у вас слава правдоруба, который может покритиковать даже родной театр?

– Это правда, в 2012 году после трех удачных работ в театре я вдруг перестал получать новые роли. А силы уходили, моложе я не становился. Не могу винить в этом Галину Борисовну Волчек, она очень любила людей, честно высказывающихся. Почти на каждом сборе труппы всегда отдельно спрашивала: «А что скажет Сережа по этому поводу?» Думаю, в ситуации со мной на нее влияли люди из окружения. Я называю их шептунами.

– Старая добрая зависть... А вы умеете завидовать?

– Нет. Каждая потрясающая работа твоего коллеги – это урок для тебя и стимул. Я недавно пересмотрел фильм «Неотправленное письмо» Михаила Калатозова. Не понимаю, как это сняли в 1959 году, как делали

этот монтаж. История проще пареной репы – геологи ищут алмазы, один за другим погибают в пожаре, в холоде. Но это произведение искусства. А сейчас мало кому можно завидовать. Спрашиваешь коллегу: «Что означает то, что ты делаешь в этой сцене?» Ответ: «Я не знаю». – «А почему ты это делаешь?» – «Потому что режиссер сказал». Такие марионетки. Это все видно из зала. Сейчас вывели породу людей, которые вообще не знают, зачем они живут, что делают, – безмолвные тени самих себя. Новая фаза искусства: глушат тебя музыкой, слепят светом, убивают оголенными телами. Я не ханжа, но если 25-летний парень на сцене, собираясь выпить чаю, снимает с себя рубашку, я не понимаю – зачем? Дома мы так не делаем. Видимо, надо показать свое тело, больше хвастать нечем. Я вижу в этом беспомощность. А то, что сейчас выдают некоторые телеканалы, – это вообще «пальмовое масло», которое

надо запретить.

– Вы сейчас, как Бессеменов, выступаете...

– Потому что мне не наплевать. Есть, конечно, и достойные работы. У меня вошло в привычку проводить рейды по театрам, я хожу и смотрю все спектакли, иногда пересматриваю. Семь раз пересмотрел «Евгения Онегина» в Вахтанговском театре. Просто шедевр! На месте Собянина я бы поставил памятник этому спектаклю, даже целый комплекс с Лариной, Онегиным, с качелями... Шестнадцать лет назад Римас Туминас, поставивший этот спектакль, пригласил меня в Вахтанговский, и мы в партнерстве с Ириной Купченко и Василием Лановым играли «Последние луны».

– Вернемся к «Современнику». У вас новое руководство. Как коллектив принял Владимира Машкова?

– Кто-то позитивно, кто-то не очень, но то же самое было и с предшественниками Машкова, кстати. У каждого свое мнение. Мое такое: это лучшая кандидатура из всех, кто был до него. Владимир Львович оканчивал Школу-студию МХАТ и имеет прямое отношение к нашим отцам-основателям. У него был непростой поиск себя, предполагаю. И слава богу, он попал сейчас к нам. Машков – наш человек, честный и жесткий. Я очень рад его появлению в театре. Худрук говорит какие-то вещи, которые я когда-то говорил, но меня не слышали. А сейчас вариантов не услышать нет. Я даже в свое время предлагал Галине Борисовне дать мне какие-то полномочия для того, чтобы жестче, радикальнее решать внутренние проблемы театра.

– Сергей, а в кино вам интересно работать? Там вам часто достаются роли негодяев...

– С профессиональной точки зрения любопытно проследить, где человек споткнулся, обо что он «ударился», ведь никто не рождается маньяком. Но для этого нужен хороший сценарий, отличная команда. У нас с кино все тоже не слава богу. Часто очень слабый материал, беспомощные режиссеры, партнеры бывают не приведи господи. В такой комплектации я бы не от-

«Играем... Шиллера!»

справиться.

– А если не артистом, то кем бы стали?

– Не знаю. Может быть, водителем трамвая. Когда-то, когда был помоложе, думал стать киллером. (Смеется.) Это как поставить спектакль – получаешь заказ и сам решаешь, во сколько, где и как это осуществить. Чем тяжелее задача, тем интереснее процесс.

– Надеюсь, это вы не всерьез, а с актерской точки зрения...

– Не уверен. (Смеется.) Это же так интересно, креативно. Киллеры – абсолютные одиночки. Вот и я по природе своей одинокий человек. И семья моя это может подтвердить. Залезаю в свою норку и либо читаю что-то, либо смотрю кино. Мне важны эти моменты, когда я один.

важился даже Гамлета сыграть.
– Какие бы роли вы ни играли, в жизни вы очень ранимы – в молодости ради большой любви хотели бросить учебу и даже покончить с собой. Как сейчас к этому относитесь?

– Это была глупость. Я счастлив, что выжил, что вернулся в «Щуку». Вообще, какое-то время назад я понял, что бессмертный. Я мог бы много раз умереть в буквальном смысле слова. Таких ситуаций на моем счету больше десяти. Некоторые связаны со съемками, некоторые нет, я пережил вооруженное нападение: к голове пистолет приставляли, в Новокосино – отвертку к шее... Я родился с пороком сердца. Врачи сказали маме, что меня надо держать в вертикальном положении: «Если он переживет эти сутки, значит, будет жить, но это маловероятно». И мама держала меня, обливаясь слезами, – все одеяльце было мокрым. Я выжил, и это, наверное, неспроста.

– Что бы вы хотели еще сделать за отведенное вам время?

– Хочу дождаться внуков. Что-то интересное сыграть. Общечеловеческие радости. Мне 57 лет. Пушкин, Лермонтов, Чехов – сколько людей умерли детьми по сравнению со мной! Я чувствую себя счастливчиком уже только потому, что мне подарили эти 57 лет. Поэтому ста-

«Случайные встречи»

раюсь жить честно и ничего не боюсь. Я никогда не изменю себе, даже если мне предстоит умереть завтра утром.

– В этом случае вы считали бы, что ваша актерская карьера удалась?

– Скорее да, чем нет. У меня не было стремления стать большим артистом, я хотел просто находиться где-то рядом – даже выходить со словами «кушать подано», чтобы быть причастным к этому фантастическому процессу. Где люди рассказывают какие-то истории, от которых меня долго колбасит, я плачу, смеюсь, не могу с собой

– Ваша семья не обижается, что вы таким способом сокращаете время общения с ними?

– Нет. Лене есть чем заняться, у нее масса хлопот по дому, дети учатся. А когда дочка приходит домой, я всегда выйду на 5-10 минут, спрошу: «Как дела? Все ли хорошо?» И вернусь в свою норку к своему кино. Мы как-то всей семьей посмотрели картину чешского режиссера Яна Гржебейка «Уютные норки». И теперь называем нашу небольшую квартиру «уютными норками». Живем мы скромно, но нам хватает.

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

საზონი 180
СЕЗОН 180

მაისი МАЙ 2026

ანტონ ჩეხოვი
ქია ვანია
დრამა
დამდგმელი რეჟისორი
ნიკა ჩიკვაიძე

15 მაისი
мая

Антон Чехов
ДЯДЯ ВАНЯ
Драма
Режиссер-постановщик
НИКА ЧИКВАИДZE

1 პარ. შტ.	ნ. მახური Н. Махур 19.30	აგნეს, შექსპირის ცოლი ნარმოდგენა ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (მცირე დარბაზი)	АГНЕС, ЖЕНА ШЕКСПИРА Представление в одном действии Режиссер А. ВАРСИМАШВИЛИ (Малый зал)	
2 შაბ. ცნ.	ნ. კაუარდი Н. Кауард 19.30	სიყვარულის ანრდილი წმინდა ინგლისური კომედია ორ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (მცირე დარბაზი)	ПРИЗРАК ЛЮБВИ Чисто английская комедия в двух действиях Режиссер А. ВАРСИМАШВИЛИ (Малый зал)	
3 კვ. ვსკ.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 19.30	შინელი ფერია ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (დიდი დარბაზი)	ШИНЕЛЬ Феерия в одном действии Режиссер А. ВАРСИМАШВИЛИ (Большой зал)	
8 პარ. შტ.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 19.30	ალჟირი დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма в одном действии Режиссер А. ВАРСИМАШВИЛИ (Малый зал)	
9 შაბ. ცნ.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 19.30	შეშლილის წერილები ტრაგიკომედია ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (მცირე დარბაზი)	ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО Трагикомедия в одном действии Режиссер Г. МАРТВЕЛАШВИЛИ (Малый зал)	
10 კვ. ვსკ.	ნ. კალატოზი Н. Калатоzi 13.00	მძინარე მზეთუნახავი მუსიკალური ნარმოდგენა ერთ მოქმედებად რეჟისორი ნ. კალატოზი (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальная представление в одном действии Режиссер Н. КАЛАТОЗИ (Малый зал)	
15 პარ. შტ.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 19.30	ქია ვანია დრამა ორ მოქმედებად რეჟისორი ნ. ჩიკვაიძე (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях Режиссер Н. ЧИКВАИДZE (Малый зал)	
16 შაბ. ცნ.	ა. ტურგენევი И. Тургенев 19.30	მღმური მელოდრამა ერთ მოქმედებად რეჟისორი ნ. ლორთქიანიძე (მცირე დარბაზი)	НАХЛЕБНИК Мелодрама в одном действии Режиссер Н. ЛОРТКИПАИДZE (Малый зал)	
17 კვ. ვსკ.	ა. გრინი А. Грин 13.00	ალისყარი იალქნები მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. ნიქოლაშვილი (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка в одном действии Режиссер П. НИКОЛАВА (Малый зал)	
22 პარ. შტ.	ს. შროვეკი С. Шроек 19.30	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად რეჟისორი ს. ნათენაძე (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии Режиссер С. НАТЕНАДZE (Малый зал)	
23 შაბ. ცნ.	თ. დოსტოვესკი Ф. Достоевский 19.30	თჰინიერი ფანტასტიკური დრამა ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (მცირე დარბაზი)	КРОТКАЯ Фантастическая драма в одном действии Режиссер А. ВАРСИМАШВИЛИ (Малый зал)	
24 კვ. ვსკ.	ა. ვილკისტი И. Вилькест 19.30	ქალჰერის ღამე დრამა ერთ მოქმედებად რეჟისორი პ. პარსიმაშვილი (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬБЕРА Драма в одном действии Режиссер Г. МАРТВЕЛАШВИЛИ (Большой зал)	

